

Дубов

18+

а
и
т
р
и
и

ЗЛОБА

Дмитрий Дубов

Злоба

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51691546

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-06167-5

Аннотация

На Землю падает метеорит. Зрелище – потрясающее. Динозавры могли бы подтвердить... если б выжили. Впрочем, этот небесный камушек приземляется слишком гладко и несёт с собой совсем другие опасности. Одновременно происходит много разных вещей: природные катаклизмы, человеческое насилие в масштабе всей планеты, гибель людей без всякой зримой причины. Компания друзей связывает всё воедино. Учёные степени некоторых из них и дух авантюризма заставляют их начать расследование случайных, на первый взгляд, совпадений. Вскоре друзья понимают, что всё это как-то связано с метеоритом, и решают найти его.

Содержание

Пролог	4
Часть I: Злиться	7
Глава первая. Семеро друзей	7
Глава вторая. Последствия	26
Глава третья. Отъезд	43
Глава четвёртая. Люди и вампиры	60
Глава пятая. Служба спасения	77
Глава шестая. Попутчица	94
Глава седьмая. Крушение	112
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Пролог

1

Падающие звёзды – зрелище насколько красивое, настолько и обыденное. Такое случается каждый год, и, если специально заниматься наблюдениями, то можно увидеть много интересного. Но миг сгорания краток. Только мгновение нашим глазам представляется обломок неба, падающий в бездну, а потом – ничего. Краткая, но яркая жизнь, и сразу – забвение смерти. Кто не стремится к такому?

Хочу обратить ваше внимание на другой космический объект. Вот он рассекает бесконечные просторы вселенной, горя, словно маленькая звезда, но не сгорая. Он на огромной скорости несётся к голубой планете. Его путь не похож на траектории космических собратьев. Те зависят от случайностей непредсказуемого пространства, а он несётся по абсолютной прямой. Эдакий космический экспресс, запущенный чьей-то незримой рукой.

На земле ни один наблюдатель так и не заметил этот объект до тех пор, пока тот не соприкоснулся с атмосферой. Слишком уж мал он был. Однако в те несколько секунд, что он преодолевал воздушную оболочку нашей планеты, его видели все, чей взгляд ловил падающие звёзды.

Объект не сгорел, как миллионы его собратьев, он даже не потерял ни грамма массы. Узнай об этом тогда кто-нибудь

из наблюдателей, он, вероятно, сильно удивился бы, но болид упал в таком месте, где его можно было искать годами, причём, с абсолютно нулевым результатом.

Это было красиво: сверкающий шар, рассекающий сумеречное небо... Сколько желаний было тогда загадано? Но самое интересное не в этом. Вот если бы Вы могли взглянуть на этот обломок материи сверху в момент падения, то, по всей вероятности удивились бы ещё больше, чем тому, что он не сгорел в атмосфере. Во-первых, – он приземлился мягко, сбросив в один миг скорость, словно и не весил ничего, и не притягивала его земля. А во-вторых, – он не вызвал сиюминутных катаклизмов в месте приземления. Вот только воздействие всё равно было оказано, на другом уровне. Волна чего-то незримого и нематериального устремилась от него во все стороны, обошла планету, вызывая сокрушительные бедствия, и вернулась к нему. Затем воцарилось спокойствие.

2

Сейчас я не скажу, зачем так подробно рассказал о каком-то там метеорите, или зачем вообще пишу всё это. Вы поймёте, когда повествование окончится. Может быть. По крайней мере, я надеюсь на это.

События, о которых я хочу вам рассказать, разворачивались без малого сорок лет назад. Все эти годы ушли у меня на то, чтобы осознать, что же случилось на самом деле.

Вы помните, как мы жили сорок лет назад? Тогда, ко-

гда двадцать первый век только вступал в свои права? Когда каждый имел в своей душе обиду на кого-то? Молодёжь меня не поймёт, поскольку на её памяти человечество жило дружно и счастливо, не имея потребности в негативных эмоциях. Но люди за шестьдесят вспомнят. Те, кто застал Последнюю Войну. Кто каждый день выяснял с кем-то отношения, а в особенности, те, кто успел познакомиться с пенитенциарной системой до того, как её упразднили за ненужностью. Наша молодёжь знает о тюрьмах только из фильмов ужасов и думает, что это лишь хитрая выдумка сценаристов «чтобы пострашнее было».

Но я-то помню, какой была жизнь. И я знаю, что послужило такой резкой перемене в отношениях между людьми. Более того, я – единственный на всей планете, кто знает всё об этом.

Я не спешил делиться своими знаниями, однако время пошло. Передо мной лежат полуистлевшие записные книжки моих давно почивших друзей, и события тех дней встают перед глазами, как будто вчера.

Вот он я – двадцатипятилетний паренёк, питающий большие надежды, влюблённый... Тогда мне казалось, что мир лежит у моих ног...

О, Боже, как давно это было!

Или недавно?

Часть I: Злиться

Глава первая. Семеро друзей

1

Узкая улица, зажатая тёмными, словно заброшенными, и мрачными домами, освещалась только лунным светом. Полная, холодная и надменная глыба на небе издевалась, извращая всё, на что падал её свет, меняя очертания. Она хотела пугать.

Я признался себе, что это получалось у неё очень даже неплохо. Но самое противное, что на дорожном покрытии передо мной она оставляла свою дорожку, и какая-то неведомая сила, которую я не мог послушаться, тянула меня по ней.

Всё окружающее было очень странным, но воспринималось нормально. Хотя... небо, нависавшее надо мной чёрным куполом, лишилось всех своих звёзд-глаз (или звёзд-украшений, кому, как больше нравится). Словно слепой щенок, жалось оно к земле. Такими же чёрными и сиротливыми выглядели громады зданий. Под ногами брусчатка, а во всём теле только одно желание: идти вперёд.

Зачем? Я должен помочь кому-то. Но кому? И чем? На этот вопрос я мог найти ответ только там, где кончалась лун-

ная дорожка, и начиналось... что?

Ноги несли меня вперёд. Сердце судорожно билось. Мысли в такт ему лихорадочно носились в моей голове, не удосуживаясь остановиться ни на мгновение.

Лунная дорожка исчезла, притом луна продолжала висеть на своём месте. Впереди очертился контур (да нет там никакого контура – кричал разум) некой субстанции. Она была чёрной, но настолько, что выделялась своей чернотой из всего окружающего. Меня пробил дрожь. Абсолютная чернота: клубящаяся, с перетекающими границами – я к этому стремился?

Моя глотка честно хотела закричать. Но не смогла. Ноги по-прежнему с завидным упорством приближались к этому. Из непроницаемой массы выглянули отростки и руками страждущих потянулись ко мне.

Помоги...

Помоги.

Помоги!

Помочь? Этому? Как?

Что я могу сделать, когда моё сердце почти разрывается от страха. Чернота тянула меня к себе. Леденящий ужас охватил, словно намереваясь пережевать раньше, чем сделает это клубок с отростками.

Меня притянуло почти вплотную, и вот тут я вдруг смог кричать...

Первое сентября.

И я закричал. Что было сил. Темнота была настолько плотной, что на мгновение мне показалось, что и сам я ослеп.

– А-а-а!!! – работала моя глотка за троих, выхватывая весь воздух из лёгких.

– Ренат, что с тобой?

Заботливый и обеспокоенный голос, прозвучавший совсем рядом, настолько контрастировал со всем, виденным мною сейчас, что я заорал ещё громче.

– Да успокойся ты! – Нотки раздражения, или мне только послышалось? – Это всего лишь сон, успокойся.

Легко сказать: «успокойся», а когда тебя затягивает чернота, какое там к чертям собачьим спокойствие?

Но орать я перестал.

– Вот так-то лучше, – с облегчением сказал голос.

Ко мне стало возвращаться чувство реальности. Заботливые и горячие ладони легли на мои плечи. Вспомнил, как меня зовут (с подсказкой, правда), увидел бледное пятно лица сбоку. Лана, моя девушка. Я в нашей общей комнате, и сейчас (крупные красные цифры парили в метре над полом) начало четвёртого утра.

– Это только сон, – повторила Лана.

– Очень уж реальный был сон, – попытался я оправдаться.

– Пить надо меньше, – сказала Лана и откинулась на подушки.

Я чуть-чуть посидел, подумал, и решил сделать то же самое. Девушка моментально прижалась ко мне всем своим горячим обнажённым и очень соблазнительным телом.

– Как же ты меня напугал, – прошептала она на ушко.

– Я и сам испугался, – обнял её, но целовать не спешил, ведь она меня обидела. – Кстати, я не пью, а вчера собралась вся компания, что мне теперь, язвенником обозваться?

– Тем не менее, вчера ты был не в силах, – многозначительно произнесла Лана и хихикнула.

– Всё я в силах был, просто тебя не хотел тревожить.

– Ути, какие мы заботливые, – выдохнула она мне в ухо и тут же игриво прикусила мочку уха.

– Я и сейчас в силах, – не сдавался я.

– Тогда докажи, – это уже было сказано так, что я при всём желании не смог бы сдержаться. Я плюнул на обиды, на сон, на не до конца прошедшую тяжесть со вчерашней вечеринки.

И доказал.

3

Тридцать первое августа.

У всех разные традиции. У нашей компании есть традиция собираться в последний день лета. Тридцать первого августа каждый из семи, где бы он ни был, приезжает ко мне домой и привозит свою долю праздника.

Это был день накануне моего ночного кошмара. Я проснулся в начале шестого, оставил Ланку в постели, оделся

и вышел из дома на свою обычную утреннюю пробежку. За десять километров трусцой я составил список необходимых продуктов, который заканчивался словом: «виски» и тремя восклицательными знаками.

Вернувшись, я застал своё солнышко за приготовлением завтрака. Кстати, утро – единственное время суток, когда ей разрешалось подходить к плите.

Не успели мы помыть посуду, разбрызгав половину воды по кухне, целясь друг в друга, как прихожую огласила трель звонка. За открытой Ланой дверью высился Степан, улыбаясь и протягивая моей невесте цветы.

– Проходи, Стёп! – это хором.

Следующим пришёл Астроном – Николай Валентинович Коперский, а для нас – просто Коля. Третий звонок оторвал нас от него, а за дверью топтался Профессор (потому что маленький, толстый и лысый, а не из-за степени), он же – Семён Иванович Прямок, а для нас – Сёма.

Сёма строго глянул на меня из-под очков, словно укоряя за что-то, но выдержать паузу не удалось, и в глазах его промелькнула задорная искорка. Мы рассмеялись и обнялись, похлопывая друг друга по спине. Изо всех он был мне самым близким, если не считать Ланки, конечно.

Войдя в дом, мы обнаружили, что Коля Астроном дарит какой-то свиток моей девушке.

– Что это за дела? – сурово, но с искоркой, как Сёма только что на пороге, спросил я.

– Да это... я вот тут... Короче, я решил ей, в смысле – вам, карту звёздного неба подарить.

– У нас уже есть одна! – едва не покатываясь со смеху.

– Так это... вот... ну, это новая, дополненная, так сказать. Слова-паразиты – Колькин бич, но мы уже привыкли.

Стёпы нигде не было видно. Я обернулся, но Сёму тоже, как ветром сдуло. Я дёрнулся на кухню, но Коля властным жестом остановил меня.

– Сюрприз, – сказал он веско.

– Значит, вы не только с картами.

Вообще-то в нашей компании две представительницы прекрасного пола, но так уж повелось с незапамятных времён, что Лана получала львиную долю внимания всех ребят. Я не ревновал. Не насильно же она со мной. Человек взрослый – сама решила. Однако втайне я немного злорадствовал, что она выбрала именно меня.

И лишь к одному Стасу это не относилось, поскольку он по уши и безнадёжно был влюблён в Аллу – вторую девушку из нашей компании.

Я остался в прихожей встречать гостей, в то время как Сёма, ведя Лану под руку, удалился с ней на кухню. Но остальные не спешили. Часы показывали десятый час, а ни Стаса, ни Аллы не было.

Я вышел на крыльцо. Последний день лета. Но пахло уже осенью: созревшими плодами, поздними цветами, ветром приближающейся золотой поры. На меня оранжевыми гла-

зами смотрела созревшая облепиха. Скоро грибы пойдут.

Но не успел я предаться приятным мыслям о том, как буду собирать грибы в осеннем лесу вместе с Ланой, как за забором мелькнул красный плащик.

– Привет, Алик, – сказал я, когда калитка только начала отворяться.

– Приветик, – ответила огненная девушка.

Она и впрямь была огненной и во взгляде, и во внешнем виде.

– Я не опоздала?

– Тебе можно.

– Это тебе, – прошептала она, впихивая мне в руку что-то гладкое и прохладное, после чего тут же испарилась за дверью.

Опустившись, мой взгляд упёрся в звериный оскал. Алла Георгиевна в свободное время занималась скульптурой, но ничего прекраснее этой, приготовившейся к прыжку пантеры, я в её творчестве ещё не видел.

– Умница, – сказал я вслух.

– Вот и я так думаю, – с грустью ответили мне.

Одно из качеств Стаса было подкрадываться незаметно. Вот и сейчас он стоял совсем рядом и печально улыбался, разглядывая фигурку оскалившей пасть пантеры.

– Господи, ты меня так до инфаркта когда-нибудь доведёшь, – сказал я, оглядывая гостя с головы до ног.

– Тебя – нет, – ответил он и, проследив за моим взглядом,

добавил: – Машина сломалась, что-то в трамблэре заис...

– Не надо. Избавь меня от подробностей.

– Хорошо, – улыбнулся Стас и пошёл внутрь.

Я хотел было проникнуть в дом вслед за ним, но он сказал:

– Подожди, – и захлопнул дверь перед моим носом.

Стасу не мешало бы переодеться: вся его одежда провоняла маслом и ещё какой-то гадостью. А насчёт сговора я не ошибся. Они решили отметить мои именины, хотя никакого святого Рената тридцать первого августа не значилось. Да и вообще не было святых с таким именем! Это и стало поводом.

Надо сказать, что сюрприз у них удался.

4

Первое сентября.

Расслабиться до конца нам с Ланой всё-таки не дали. В начале пятого в дверь затарабанили.

– Эй, у вас там всё в порядке? – послышался Колин голос.

– Пока – да, но, если ты не уберёшься, проблемы будут у тебя, – огрызнулась моя девушка, причём я заметил, что в голосе её промелькнула настоящая злость.

– Хватит спать, сони, – продолжал тот, – тут кое-что интересное произошло.

– Проваливай, – ответила Лана ещё злее, а потом, обращаясь ко мне, сказала: – Что за дурацкая привычка, оставлять их на ночь?

Я ничего не ответил, списав всё на её дурное настроение

из-за моих ночных выкрутасов. Она прекрасно знает, что так было всегда. Однажды именно в такую ночь она заявила в мою спальню, сказала, что ей холодно и попросила согреть её. До сих пор грею.

Несмотря на раннее время, все, кроме Стаса, сидели на кухне и «гипнотизировали» чайник, всем хотелось крепкого и горячего кофе. Я, протирая глаза кулаками, словно маленький ребёнок, присоединился к ним.

– Что случилось? – спросил я.

– Твой ночной кошмар ожил, – посмотрев на Стёпу, я понял, что он изволит шутить.

От этой шутки у меня всё внутри поднялось. Почему-то захотелось ответить грубостью, но тут в разговор вмешался Коля.

– Причины есть, – сказал он. – Первая: сегодня ночью что-то загадочное упало на землю. Вторая: приборы шкалят. Третья...

Договорить он не успел: со стороны ванной послышалась отборная брань. Я покраснел, потому что голос, источавший потоки нецензурщины, принадлежал Лане.

5

Тридцать первое августа.

Когда накануне я всё же пробрался в дом, то был сполна вознаграждён за маленькое изгнание. Во-первых, мне подарили средних размеров телескоп (его установили на чердаке), чтобы мы с моей лапой могли по ночам смотреть на

звёзды. Я сразу сказал, что он вряд ли пригодится нам в ближайшие лет тридцать, поскольку все ночи на этот период уже расписаны по часам. Во-вторых, весь мой дом утыкали датчиками, подключёнными к хитроумной электронной аппаратуре. Мне объяснили, что это современный определитель настроения, подаренный мне институтом, в котором мы учились, а потом подрабатывали по мере сил. Важней всего – погода в доме, – хихикали они. До сих пор для меня осталось загадкой, как они умудрились протащить всё это мимо меня.

А самое интересное: откуда взялся огромный торт, занимавший чуть ли не полстола. В конце концов, я решил, что без Ланы здесь дело не обошлось.

Меня провели по комнатам, показали, как что работает, а потом повели на чердак. Четверть часа Коля объяснял мне, как пользоваться такой полезной штукой, как телескоп. Хорошо, что его прервали, сказали, что, несмотря на начало дня, все уже проголодались, и надо идти начинать веселье. Согласился он нехотя, но уже через десять минут увлечённо болтал про галактики и флуктуацию за кружкой крепкого кофе.

6

Первое сентября.

А вот сейчас эти датчики зашкаливали, однако я даже подумать не успел, что бы это могло значить, поскольку дом мой огласился криками.

– Сволочь! Да пустишь ты меня в туалет, или нет?! Я тебе

сейчас всю рожу раздеру! – при этих словах Лана отчаянно колотила в дверь совмещённого санузла, где закрылся Стас.

Сломав голову я полетел узнавать, что же стряслось. По пути мне почему-то захотелось набить кому-нибудь морду, причём, просто так, безо всякой причины. Ребята бросились за мной.

На бегу я подхватил Лану на руки и прижал к себе.

– Ну что с тобой, малыш? – сказал я с нежностью.

Вместо ответа она начала бить меня своими кулачками в грудь и вырываться. Но я не выпускал её из своих объятий, тогда она заплакала и прижалась ко мне.

– Я не знаю, что со мной творится, – сквозь слёзы проговорила она.

– Зато я знаю, – полушёпотом произнёс Сёма. – Тут какой-то фон...

Но эта фраза тоже повисла в воздухе. Дверь ванной раскрылась, за ней показалась разъярённая физиономия Стаса.

– Да что ты себе позволяешь, стерва?! – прорычал он и двинулся к нам.

– Стас, успокойся! – закричали все в один голос.

А я уже со злостью взирал на эту ненавистную (глубокоуважаемую в душе, между прочим) морду. Мне хотелось плюнуть в неё. Было радостно от того, что нашёлся тот, на кого я смогу выплеснуть своё раздражение.

– Так, как ты назвал мою невесту, харя пьяная?

Он действительно выпил вчера больше всех, и взгляд его

был мутен, глаза в кровавых прожилках, лицо – помятое.

– Стерва, она и есть – стерва.

– Ах, так! – Я поставил Лану на пол и приготовился сцепиться с ним.

Стас желал того же.

– Ребята, остыньте! – попытался вмешаться Стёпа.

Но его мнение нас сейчас интересовало меньше всего.

– Ренат, не надо! – Лана попыталась оттянуть меня за рукав.

Я вырвал его, и в этом же движении от всей души съездил Стасу по носу. Тот отшатнулся, и на пол упали первые красные капли. Он утёр нос рукавом рубашки и прыгнул на меня. Но к этому моменту с моей стороны желание набить ему морду пропало совершенно. То ли натура моя удовлетворилась одним удачным ударом, то ли вид крови отрезвил, а то ли просто пелена с глаз упала. Во всяком случае, мне оставалось только сдерживать сыпавшиеся на меня удары и пытаться утихомирить Стаса.

Он же не успокоился до тех пор, пока не заломил мне руку, и не уложил посреди коридора. Ещё секунда и рука моя была бы сломана, но положение спасла Алла.

– Стас, – сказала она вполне серьёзно, – если ты сейчас же не прекратишь, то на отношения можешь не рассчитывать.

7

Тридцать первое августа.

У нас была ещё одна традиция. Именно из-за неё компа-

ния собиралась не в обед, не вечером, а в девять часов утра. И посиделки мы начинали не с вина или пива, а с крепкого кофе. В душе каждого из нас жил несостоявшийся писатель, и вот, раз в год мы готовили историю, которую рассказывали за накрытым столом. Требование было лишь одно: это должна была быть страшная история.

Не буду приводить их сейчас, но обещаю, что в процессе своего рассказа передам их все, поскольку каждая имела отношение к тому, что произошло дальше. Даже теперь, когда я вычитываю их из жёлтых страниц записных книжек моих друзей, меня охватывает странное мистическое чувство. Будто мы все знали, что с нами будет.

Но в тот день – тридцать первого августа – ещё никто ни о чём не подозревал, и каждый просто пытался по сильнее напугать своих друзей. Этот страх как-то сплачивал нас всех. Иногда нам даже казалось, что нас всего семеро, и никого, кроме нас, не существует, и нет ничего за пределами этих стен. Нам всегда было здорово всем вместе, и в любую авантюру мы впутывались сообща.

К пяти вечера истории были рассказаны, появилось горячительное, и гитара загуляла по рукам. Кружок любителей оригинальных повестей превратился в обычную подгулявшую компанию. Нам было весело, и никто думать не думал о том, что случится на следующее утро.

– Извини меня, – буркнул Стас, сидящий от меня по левую руку.

Из ноздри у него торчала пропитавшаяся кровью ватка. Мне тоже досталось: на лбу красовалась здоровенная шишка.

– Да, ничего, всё в порядке, – проворчал я в ответ.

То, что побудило нас броситься друг на друга, исчезло, но недовольство самим фактором стычки осталось, однако, это было скорее недовольство собой.

– Итак, – взял слово Сёма, – давайте вернёмся к тому, из-за чего я попросил подняться вас всех в такую рань. Мы с Колей не спали. Он глазел в телескоп, а я проверял датчики. Около трёх ночи он примчался ко мне с сообщением об упавшем метеорите. Буквально в следующую минуту приборы стали фиксировать изрядную активность отрицательного поля. Тут же раздался крик из вашей (он кивнул мне головой) спальни.

– Мы решили не тревожить вас, – вклинился Коля, – ведь всё успокоилось.

– Да, – подтвердил Сёма, – мы дали бы вам выспаться, но через полчаса мы поссорились, а когда помирились, решили, что всё это неспроста, и принялись будить всех.

– Теперь мы все это видим, – сказала Алла.

– Вот у Коли насчёт этого есть своя теория, – сказал Сёма.

– Да! Да! Да! – тот аж со стула вскочил. – Я считаю, что всё это, ну, как бы взаимосвязано. То есть метеорит и активность

этого... отрицательного поля, вот. И вся наша злобливость, как следствие! Мне вот кажется, что так оно и есть, да!

Задумчивость материализовалась и повисла над столом.

– Правда, я так не считаю, – сказал Сёма, и с опаской покосился на Колю.

Этого взгляда было достаточно для того, чтобы понять, из-за чего с утра возникла ссора между ними. Но сейчас этого не повторилось.

– Вполне сомнительно, – поддержала Сёму Умница, как мы звали Аллу между собой.

Коля уже хотел добавить что-то в защиту своей теории, но тут прокашлялся Стёпа, собираясь высказаться, и все взгляды обратились к нему, потому что говорил он крайне мало, но всегда по делу.

– Ребята, – сказал он, – давайте не будем делать скоропалительных выводов. Может быть, Коля прав, а может, и нет, но прямо сейчас мы об этом узнать никак не сможем. Нужно время. Другое дело: хотим мы разобраться в произошедшем, или это останется в нас и послужит лишь основой для чьего-нибудь рассказа на будущий год.

Он окинул взглядом всех присутствующих.

– Я лично за то, чтобы попробовать разобраться во всём и найти связь, если она есть.

– Я поддерживаю, – сказал я.

– Я тоже, – сказала Лана, выглядевшая на порядок лучше, чем час назад.

– Я «за», то есть поддерживаю на все сто процентов, – протараторил Коля.

Сёма с Умницей ещё раздумывали некоторое время, но тоже присоединились к нам.

Оставался Стас. Он единственный хмурился ещё до сих пор.

– А я считаю, – пробормотал он, – что всё это чушь собачья, о которой надо забыть, чем раньше, тем лучше.

– Ну, что ж, – подвёл итог Стёпа, – расклад сил понятен, будем копать.

9

Больше об этом никто не сказал ни слова, хотя событие было, прямо скажем, из ряда вон выходящее. Ближе к десяти обстановка и вовсе разрядилась, и стала относительно похожа на вчерашнюю. Пускай мы не пили, а веселиться от всей души мешало утреннее происшествие, но всё же мы были добрыми друзьями и встречались не так часто, чтобы портить эти собрания какой-либо натянутостью.

Снова рассказывали истории, но теперь это были истории о себе. У каждого была своя жизнь, и он делился ею с нами; её заботами, проблемами и радостями. Остальные слушали, подбадривали, советовали, то есть делали всё то, что делают хорошие друзья.

После скромного обеда, сооружённого по преимуществу из остатков вчерашней роскоши, ребята стали потихоньку разъезжаться. Перед этим, правда, было сказано, что если

кто что узнает, то спешит поделиться со мной, а если что-то экстренное, то все собираются тут. Тогда я не относился к этому серьёзно, ведь у меня тоже была своя жизнь.

К четырём разъехались все. Последним я провожал Стёпу. Он был самым взрослым из нас, вдобавок самым рослым и крепким, а также умным, что его тягу к нам вообще делало загадкой. Нет, не зря его прозвали Философом, – было в нём что-то от великих деятелей ума прошлого.

Мы проговорили с ним часа два обо всём на свете. С ним было легко, так как он всегда выдавал законченную мысль. Казалось, что нет на свете такой вещи, о которой он не знал бы, и не имел своего мнения. Будь он постарше, и я уговорил бы его стать моим наставником.

Потом мы долго прощались, не хотелось мне его отпустить, но время безжалостно: оно летит вперёд, когда хочется продлить мгновение. И уже в дверях он неожиданно сказал мне:

– Ренат, я чувствую беду. Не думай, что я тебя пугаю, но она на пороге.

Произнеся это, он вышел, а я обрадовался тому, что Лана ничего не слышала. Она бы не поняла. Точно не поняла бы, потому что, как оказалось, я сам не понял.

Вернувшись на кухню, я застал Лану в слезах. Она объяснила, что это по большей части просто разгрузка, но я был уверен, что она серьёзно переживает за утреннюю сце-

ну. Ещё бы: я знаю её почти семь лет, и за всё это время не слышал от неё ни единого бранного слова. Иногда казалось, она не в курсе, что они существуют. Оказалось, – в курсе.

Я принялся утешать её и гладил, как котёнка, до тех пор, пока глаза её не просохли.

– Налей мне вина, пожалуйста, – попросила она.

– Сейчас, милая.

Я не стал брать вино из холодильника, а полез в подпол, где у меня были заныканы три бутылки, хоть не коллекционного, но очень вкусного вина. Придя назад, я разлил его в два бокала, и мы с Ланой чокнулись.

– За нас, – сказала она.

– За нас, – согласился я.

В душе царил опустошённость. Так всегда бывает, когда разъезжаются гости. Для двоих дом кажется огромным. Чувствуешь себя маленьким и одиноким. Хорошо, хоть мы с Ланой были друг у друга.

Она забралась ко мне на колени, чего не делала уже давно, и одной рукой обхватила шею, придерживаясь.

– Мне грустно, – сказала она.

Я кивнул в унисон её мыслям, но тут она продолжила.

– Мне грустно не от того, что все разошлись. У меня такое чувство, как будто потеряно что-то. Что-то важное, и утрачено оно безвозвратно. От этого хочется выть.

– Ну, что ты, малыш, всё хорошо.

Но в душе я был согласен на все сто: словно вырвали из

меня что-то важное, без чего я, может быть, и жить не смогу.

– Всё хорошо, – повторил я, – пойдём спать.

Мы встали и пошли в спальню, оставив початую бутылку вина на столе. Я мельком глянул на один из приборов. На его индикаторе значился ноль. Только в постели я понял, что это означает нулевую эффективность отрицательного поля.

Лана прижалась ко мне и почти моментально уснула, а я ещё долго лежал и думал над тем, что произошло за день, даже не предполагая, что не далее, чем завтра, события получат продолжение, причём, достаточно неожиданное. А пока я бессонно пялился в потолок, надеясь, что завтрашний день принесёт с собой облегчение, а неприятные чувства исчезнут, словно скверный сон.

Глава вторая. Последствия

1

Тот же сон.

Мне привиделась та же улица, та же полная луна, с тем лишь различием, что теперь она не улыбалась, она скорбела. А я понимал, что всё это только причуды моего воображения. Окружающее меня не было таким реальным, как вчера ночью. Скорее смахивало на то, что я смотрю ужастик на экране. Притом совершенно отсутствовало принуждение, тащившее меня в клубящуюся тьму.

Я просто стоял и слушал.

Иногда мне казалось, что я слышу чьи-то горестные стоны, а то и вопли отчаяния, раздававшиеся где-то неподалёку. Такая безысходность звучала в них, что я просто не мог оставить их без участия. Мне казалось, что некая молодая женщина попала в беду и просит о помощи. При всём этом я действительно осознавал, что всё это только сон.

Я сделал шаг навстречу звуку. Ситуация была обратная вчерашней: мои ноги снова не слушались меня, но теперь понадобилось немало усилий, чтобы сдвинуть их с места. Однако движение вперёд удалось. Пытаясь определить, откуда исходит звук, я понял, что источник его находится внутри здания, стоящего совсем рядом. Мне не хотелось заходить внутрь темноты, взлелеянной этими бетонными коробками,

но отступить я уже не мог.

Внутри меня ждал ещё и холод, а также странное чувство, возникшее сразу после того, как закрылась скрипучая дверь в подъезд. Стоны не прекращались.

Вступив на лестницу, я по привычке взялся за перила, но тут же отдернул руку, поскольку все они были покрыты слоем слизи. Я поднёс руку к носу, и по моему обонянию ударил тошнотворный запах гнили и разложения. Я обтёр руку о стену и пошёл дальше. Через несколько ступеней до меня дошло, что башмаки мои погрязают в подобной субстанции.

Стоны наверху ослабли. Что бы не находилось там – оно умирало. Я не сомневался, что оно нуждается в моей помощи, но, я до сих пор не понял, как я могу ему помочь. К тому же во мне росла уверенность в том, что наверху у меня меньше всего шансов встретить человека, а не нечто.

Наконец, я приблизился к двери, за которой страдало и умирало существо...

В этот момент я проснулся. Часы показывали: пять ноль-ноль.

2

События этого дня начали развиваться стремительно прямо с раннего утра. Первым примчался Коля. Это произошло почти сразу после того, как я вернулся с пробежки. Он застал нас с Ланой за завтраком.

– Слышал, что в мире-то творится? – крикнул он с порога.

– Нет, – ответил я, – мы почти не интересуемся тем, что

происходит за пределами нашего мира.

– А зря, – посетовал он, но потом оживился и добавил: – Ну, тогда включай телевизор. Да, и ещё: налей мне кофе, а то я к тебе прямо из кровати.

Я налил ему кофе, принёс телевизор из гостиной на кухню и включил его.

Шли утренние новости, в которых показывали всяческие ужасы и гадости. Всё это касалось двух тем. Первое: вчера утром на землю обрушилось небывалое количество стихийных бедствий: ожили вулканы, прошли землетрясения и цунами. Все катастрофы произошли в полуторачасовой промежуток, но жертв по местам исчисляли сотнями тысяч. Рецидива не последовало. Второе: опять же вчера по планете прокатилась невиданная доселе волна насилия. У существ под названием «человек» всё «вскипало» внутри за считанные секунды и выплёскивалось на окружающих в виде крайней озлобленности. Даже во время второй мировой войны убийств оказалось меньше, чем вчерашним утром.

Второе не было вроде бы связано с первым, но я сразу понял, что связь существует, причём, вполне конкретная. Всё, о чём говорилось, полностью совпадало по времени, а после определённого момента, как ножом отрезало. Всё стало тихо. К тому же наш собственный вчерашний инцидент полностью соответствовал тому временному отрезку, о котором говорили по телевизору. И ещё метеорит...

Я оторвал глаза от экрана, где мелькали кадры с омерзи-

тельными делами, как человека, так и природы, и посмотрел на Колю. Вопреки всему, он сиял, что новогодняя ёлка, видом своим восклицая: «Ну, что я вам говорил?!».

Но мне ещё несколько секунд потребовалось на то, чтобы поверить, что всё это всамделишное, а не розыгрыш. Лана сидела в кресле абсолютно белая, точно маленькое прелестное привидение.

3

– Вот, – сказал Коля, – это к нашему вчерашнему разговору. Не буду настаивать на том, что всё это безусловно связано со вчерашним метеоритом (хотя это было самое нестандартное тело, что я увидел за все десять лет изучения небесной сферы), но, что напрямую связано с нашей маленькой вчерашней сценкой – определённо.

Я не стал спорить. Коля был настолько убеждён в своей правоте, что даже обходился без слов-паразитов. Его тёмный ёжик так и источал самоуверенность. Да, я всё ещё сомневался, а вот Лана с готовностью кивала его предположению.

Следующим в дверях появился Сёма. Его вопрос в точности повторил Колин.

– Уже знаю, – мрачно ответил я.

– Какие будут соображения? – спросил он, проходя на кухню.

– Для меня ещё много неясного, – ответил я, – а вот, похоже, у Астронома есть ответы на все вопросы.

– И что же ты думаешь? – обратился Сёма к Коле.

– Мне кажется, что во всём тот метеорит виноват, – ответил тот. – Понимаешь, я ещё вчера подумал, что что-то не так.

– Почему?

– Ну... видишь ли... Вот, как обычно метеориты падают?

– По наклонной, – не задумываясь, ответил Сёма.

– Кажется, будто звезда сорвалась с неба и падает, – поддержал я.

– И ещё они светятся, – сказала Лана.

– То-то и оно, – с важным видом произнёс Коля. – Тот, что упал вчера, шёл к земле прямо, без наклона, но такое случается. Потом, он не был похож на падающую звезду, он был похож на кроваво-красный шар, запущенный в Землю из глубин космоса. Он сразу показался мне странным.

– Ну, это что-то из области фантастики, – произнёс Сёма.

– Может быть, – важно парировал Коля.

– Ладно, – примиряюще сказал Профессор, – разберёмся.

У меня тут для вас ещё одна новость есть, которую не пускают официальные источники.

– Какая же? – удивились мы.

– Правда, к метеориту она не имеет никакого отношения, – продолжал он нагнетать интригу. – Так вот, по данным нашего института со вчерашнего дня умирают люди. Умирают сами, без чьей-либо помощи, и, на первый взгляд, они ничем не связаны между собой. Это люди разного социального статуса, разных политических и религиозных взглядов;

чёрт возьми, они даже разных национальностей! Но... но всё же мы отыскали то, что их объединяет. Вы ни за что не догадаетесь, что это!

Он окинул нас взглядом победителя, и продолжил:

– Все эти люди существовали всю жизнь за счёт отрицательного поля. Это категория так называемых энергетических вампиров!

Мы обмерли. Я подумал, что слово «вампир» вызывает у меня ассоциации с вечеринкой. Почти машинально я глянул на прибор, стоящий у меня на кухне и фиксирующий отрицательное поле. Индикатор показывал ноль.

Почему-то стало страшно.

4

Когда я понял, что сегодня, по всей видимости, снова будет общий сбор, то отправился за продуктами. Застолий, конечно, не намечалось, но надо же что-то есть.

Вернувшись из магазина, я обнаружил, что на крыльце меня уже ждут: Стёпа возвышался у двери, как древний страж из какого-нибудь средневекового эпоса. Мы обменялись приветствиями и взглядами, после чего Философ выдал:

– Я бы не пришёл сюда, чтобы поделиться информацией, известной всем.

Мы расселись на кухне, и взгляды приковались к нему.

– Война окончилась, – сказал он настолько тихо, что все едва расслышали.

– Что? – переспросил Коля.

– Война окончилась, – повторил Стёпа, – на восьмое сентября назначено подписание мирного договора.

Наверно, смешное зрелище мы представляли собой с отвисшими челюстями. Ещё бы!!! Ведь война не прекращалась уже почти два десятилетия и измотала нашу страну до крайности. И вот теперь совершенно неожиданно – мир, как подарок небес.

– Но это ещё не всё, – многозначительно продолжил Стёпа и откашлялся. – Все войны на планете закончены.

Если что-то и могло нас удивить сильнее предыдущей новости, то только это. Случилось то, что впоследствии назовут: Окончанием Последней Войны.

– Ну, что, – ехидно спросил Сёма, первым придя в себя, – ты это тоже к метеориту притянешь, а, Коль?

Тот заёрзал на месте, потом уставился в потолок, а после сказал:

– А что? Вполне возможно! Вот только, как это доказать?

Сколько раз с тех пор я корил себя за то, что не дал Коле по морде за эту фразу. Она изменила всё. Раз и навсегда.

5

Мы сидели впятером на кухне и обсуждали всё то, что нам было известно. Чтобы быть совсем честным, скажу, что на деле мы всё больше запутывались. Факты были настолько противоречивыми, что даже Стёпе их было затруднительно связать в единое целое. Не находилось той нити, на которую

можно было бы нанизать все события.

– Слушайте, – сказал я тогда, – а, может быть, всё это – случайные совпадения.

– Совпадения? – ухмыльнулся Коля.

– Совпадений не бывает, – поддержал его Стёпа. – Всё в мире взаимосвязано.

Но официальные источники информации поддерживали меня целиком и полностью. В новостных выпусках никто не связывал произошедшие события между собой, а о метеорите и об энергетических вампирах вообще молчали. Мы решили, что эти факты им не знакомы совершенно.

Нас объединяло желание найти связь, первопричину, или же отсутствие оной. Уже назревало решение, которое будет озвучено не далее, чем завтра.

Может быть, Вам покажется странным, что мы так ухватились за события тех дней, но ведь нам всем было меньше тридцати (кроме Стёпы, наверно), и каждый жаждал приключений и раскрытия каких-либо тайн. Нам всем нужно было что-то необычное, чтобы жизнь не казалась пресной. Да и потом, нас вполне заинтриговало происходящее.

6

Ближе к обеду позвонила Умница и сказала, что она, как и Стас, прийти не сможет. Мы обсудили с ней по телефону все наши предположения, но ничего нового от неё не добились, однако она сказала:

– Стас сейчас у меня (заявление вызвало возгласы одоб-

рения). Вчера он весь вечер просил у меня прощения, и, в конце концов, я сдалась. Но ещё больше меня поразило то, что наутро он не забыл обо всём этом, наоборот, он стал докапываться до причины своего взрыва. И, знаете, к чему он пришёл?

– К чему? – спросили мы.

– Нет, – оговорила она, – конечно, он был под впечатлением утренних новостей, но ведь вы же знаете, что он парень тихий, мухи зря не обидит, а тут... Так вот, он решил, что во всём этом виноват либо метеорит, либо ещё какая-то дрянь, которая вызвала некие волны, прокатившиеся по земле, распространяя насилие и стихийные бедствия. Он очень просил проверить эту его теорию, потому что сам не сможет вырваться до завтрашнего утра.

Мы не стали выяснять, откуда он не сможет вырваться, поскольку это и так всем было понятно. Коля же после этих слов Аллы просто просиял. Вот, – говорил его вид, – ещё один человек – пусть и косвенно – подтверждает мою собственную теорию.

– Я сегодня же поеду в институт и проверю показания по стране. Одно дело, – всплески, никак не связанные между собой, и совсем другое, – если это и впрямь была волна. В любом случае, мне эту информацию получить будет несложно, – сказал в ответ Сёма.

Алла поблагодарила его, пообещала завтра вместе со Стасом подъехать ко мне и отключилась.

Профессор сразу же засобирался в институт.

– Мне многое нужно проверить, – говорил он, обуваясь, – Предположение Автомобилиста и впрямь может оказаться провидческим. Как бы там ни было, проверив показания приборов, я на шаг приближусь к разгадке тайны, а, значит, и все мы.

С этими словами он поспешил удалиться. Вслед за ним засобирался Коля.

– Мне тоже надо сделать кой-какие расчёты и наблюдения, но я клятвенно обещаю, что завтра в десять буду у вас.

С тем он и выскочил из двери.

Проводив его взглядом, я обернулся к Стёпе.

– А мне о многом стоит подумать, – проговорил тот, явно никуда не собираясь, – для этого мне нужны: тишина, покой и много свежего воздуха. Всё это есть в твоём саду. Я останусь у тебя, если ты не возражаешь.

Я не возражал. В восемь вечера я позвал его к ужину, после чего он снова покинул нашу компанию. Я привык к его странностям, они мне даже нравились. Так что мы с Ланой преспокойно удалились в свою комнату. Я немного почитал ей вслух из японской классической прозы, и мы легли спать.

Молодость хороша тем, что точно знаешь, чем можно заняться вечером перед сном. Вскоре Лана заснула. А я лежал, охраняя её сон, и думал о том, что же всё это значит? Где связь? Где причина?

Постепенно скатившись в сон, я обнаружил, что стою пе-

ред той самой дверью, в которую так и не успел зайти вчера.

7

Я стоял перед дверью в нерешительности. С одной стороны, вернулись прежние ощущения: то, что находилось за дверью, звало меня, ожидая помощи. Но, с другой стороны, я понимал, насколько всё это абсурдно. Да, это сон, но никогда ещё у меня не было таких снов, где каждая деталь была бы настолько реальной. Это было ужасно. И в то же время завораживающе.

Уже обдумывая план отступления, я почувствовал, как что-то шлёпнулось мне на плечо. Меня всего передёрнуло после прикосновения к этому сгустку, оказавшемуся слизью, упавшей с потолка. Корча в темноте рожи, я стряхнул сгусток на пол. Он гулким шлепком ударился о поверхность. Уже преодолевая отвращение, я взялся за ручку двери: она тоже была выпачкана слизью.

За дверью был коридор. Здесь было светлее, поэтому я мог видеть стены с разводами по бокам. Субстанция имела тёмный цвет, и я боялся, что при ближайшем рассмотрении, она окажется цвета сворачивающейся крови.

Ни к селу ни к городу я вспомнил, что сегодня меня весь день преследовал какой-то запах. Я не отдавал себе в этом отчёта, но запах был. Теперь же он ударил мне в ноздри со всей возможной яростью. Что-то гнило.

По коридору я шёл, ступая осторожно, готовый к появлению чего-то... (чего?) Пусть это всего лишь сон, но бдитель-

ность не помешает. Дойдя до поворота, я увидел ещё один коридорчик, только меньших размеров, из которого вели три двери.

Я пошёл вдоль них, и напротив второй моё сердце тревожно забилося. Здесь, – понял я. За дверью уже не было слышно стонов, зато кто-то там явственно возился. Я похолодел, если вы понимаете, о чём я. Что-то внутри меня рвалось назад, на улицу, из сна. Но воли больше не было.

Дверь открывалась медленно, как это показывают в фильмах ужасов. И вот она уже настежь, но пока ещё ничего не видно, а следующий миг осветили две горящие точки, после чего комната погрузилась в мягкий красноватый свет, а я стоял спиной к закрытой двери.

Так бывает во сне.

Передо мной открывалась следующая картина: клубок черноты, виденный мною в позавчерашнем сне, валялся бесформенной грудой у стены. Жалко и безжизненно свисали его щупальца. К одному из них крепилась (или была его продолжением?) волчица. Именно она и производила звуки, привлёкшие меня. Но теперь взгляд её был мутен, а движения вялы. Она умирала.

Тем не менее, мутный взгляд скользил по мне. Она хотела что-то сказать, но по всей видимости, не находила сил сделать этого. Мне стало жаль её, и я протянул руку, чтобы приласкать её и хотя бы немного утешить.

Но, будто невидимый тумблер был сдвинут мною в это

мгновение: свет вспыхнул, взгляд волчицы прояснился, и впился в меня. Одно из щупалец ожило и обмотало мою протянутую руку, притянув после этого к волчице. Та раскрыла пасть в зверином оскале:

– ПОМОГИ МНЕ!!! –

Донеслось оттуда.

8

Наутро я проснулся совершенно больным. Я даже манкировал пробежкой, что делал исключительно в дни высокой температуры. Проснувшись и обнаружив меня рядом с собой, Лана принесла градусник.

Тридцать четыре и пять, – констатировал тот. Упадок сил. Если бы я мог знать, что это начало тяжёлой болезни, то поберег бы силы, но мне казалось, что всё это пустяки, и поднялся к завтраку. Не дойдя до кухни пяти шагов, я шлёпнулся в обморок.

Бедная девушка. Она ещё никогда не видела меня таким слабым, поэтому растерялась, не зная, что и делать, за что хвататься. Для начала она решила оттащить меня в комнату. Когда это, в силу наших различий в весе, у неё не получилось, она помчалась искать что-то, что могло привести меня в чувство. Наконец, она нашла пузырёк с нашатырём, промокнула там ватку и сунула её мне в нос.

Меня буквально вытолкнуло в реальность. Я кое-как смог подняться, матерясь при этом, на чём свет стоит, и доковылял до спальни. Убедившись, что я благополучно улёгся в

кровать, Лана вздохнула с облегчением, после чего оторвалась на мне по полной программе. Она сбегала в магазин, накупила соков, витаминов, тоников, тому подобной дребдедени и принялась меня лечить.

Здесь надо отдать должное Стёпе. Он не позволил меня слишком долго мучить. Когда Лана пришла из магазина, он уже занял место возле меня и сказал, что я нуждаюсь только в отдыхе и крепком сне. Возможно, уже тогда стоило обратиться к врачу, но все были в полной уверенности, что это лёгкое недомогание, и вскоре я поправлюсь.

– Это от наших бесед, друг мой, – говорил тогда Стёпа. – Ты слишком близко всё принимаешь к сердцу.

Тогда я захотел рассказать о своём сне, но что-то помешало мне. Рассказ мой всё же состоялся, но позже.

9

Через некоторое время я впал в тихий бред, как называли это состояние мои друзья. Им пришлось дежурить возле меня посменно, так как мой вид внушал им опасения. Температура моя не превышала тридцати пяти градусов, а давление держалось восемьдесят на сорок. Однако врача мне вызвали после следующего случая.

Они обратили внимание, что я постоянно к чему-то принохиваюсь. Глаза мои были открыты большую часть суток, поэтому поначалу они думали, что я более-менее в порядке. Они и не предполагали, что я не осознаю большую часть производимых мной действий.

Так вот, я начал принюхиваться, после чего еле слышно запричитал:

– Гниль, гниль. Что-то гниёт.

Ребята сочли это бредом и бросились успокаивать меня. И только Стёпа, отличавшийся отменным обонянием, поведя носом, сказал:

– А ведь действительно пахнет гнилью.

Следующие полчаса ушли на то, чтобы найти источник этого запаха. Не будет преувеличением сказать, что ребята перевернули вверх дном всю комнату, дабы найти источник неприятного запаха, и избавить меня от беспокойств. Каково же было их изумление, когда источник всё же был найден.

Снова отличился Стёпа. По какому-то наитию он обнюхал меня и сказал:

– Идите-ка сюда.

Все сгрудились вокруг меня и поочерёдно обнюхали. Со-мнений быть не могло: запах гнили исходил от меня. Вот тогда все испугались по-настоящему, и не веря больше своим медицинским навыкам, поспешили вызвать врача.

10

Осмотрев меня, тот только руками развёл.

– Никогда не видел ещё подобного случая, – сказал он.

– Что с ним?

– Он умрёт?

– Определённого я вам ничего сказать не могу, – ответил доктор, – я даже не могу поставить диагноз, потому что с

внутренними органами у него всё в полном порядке. Это может быть какая-то нервная лихорадка, но тут я пас, моя специальность не психиатрия. Кроме низкого давления и температуры, да ещё этого ужасного запаха – всё в порядке. А вот как объяснить состояние, в котором он находится, – ума не приложу.

Врач выписал неразборчивые рецепты и ушёл, пообещав, однако, предоставить мне квалифицированную помощь. У него был некий друг, занимавшийся подобными случаями.

Между тем запах усиливался. Я балансировал между реальностью и бредом, но запах доставал меня везде. Иногда я подносил руки к глазам, и мне казалось, что в тех местах, где я прикасался к слизи во сне, у меня набухают отвратительного вида язвы.

И был недалёк от истины. Через пару дней, когда запах невероятно усилился, мои друзья заметили покраснения на коже, перераставшие постепенно в гнойники.

Друг доктора, приглашённый ребятами, оказался не только, и не столько психиатром, сколько оккультным знахарем. Осмотрев меня, он совершенно отказался от оплаты услуг, прописал мне какие-то примочки и сказал:

– Не думайте, что происходящее с вашим товарищем – дурной знак, скорее, наоборот. Он очищается. Притом, не столько тело его было поражено, сколько душа. Гнойники раскроются, вся грязь из них вытечет, и он обязательно поправится.

Мои друзья, при всём своём полёте фантазии, были жёсткими прагматиками в отношении здоровья. Они поблагодарили доктора за его советы, однако не поверили ни единому его слову. При этом они всё-таки решили повременить с какими-либо активными действиями, надеясь на моё скорое выздоровление.

С тех пор и до определённого момента события разворачивались без моего участия, но обо всём по порядку.

Глава третья. Отъезд

1

Сидя теперь над пожелтевшими от времени записями своих друзей, я чувствую себя учёным, по древним рукописям, восстанавливающим историю. Но вернёмся в повествовании к тому дню, когда я упал в обморок после своего необычного сна.

Собрание, несмотря ни на что, состоялось. Повторюсь: друзья надеялись на моё скорое выздоровление, а потому не считали нужным что-то менять в своей затее. Она так захватила их. Особенно в тот самый день.

Первым примчался Коля.

– Я нашёл его! Я нашёл его! – кричал он, ещё не подозревая о моей болезни.

– Тс-с-с, – Стёпа поднёс указательный палец к губам, – Чего ты орёшь? Кого ты нашёл? – спросил он полушёпотом.

– Не кого, а что, – в тон ему ответил Коля. – Метеорит.

– И где же? – заинтересовался Стёпа. – Уж не у себя ли в кармане?

– Почти. Он упал за Енисеем, в Восточной Сибири.

– Широко же ты держишь карманы!

– А то. В ту ночь я заприметил, как он падал, и, сориентировавшись по звёздам, вычислил его примерное местонахождение.

– Насколько примерное?

– Квадрат со стороной в десять километров.

Стёпа аж присвистнул.

– Это в Подмоскovie сто квадратных километров можно за несколько часов со спутника прочесать, а там же тайга сплошная.

– Тундра. Но со спутником всё равно ничего не получится.

– Почему же?

– Это ближе к крайнему северу, а там нет наших спутников. – Коля говорил с видом глубоких познаний в данной области.

– Почему? – хмыкнул Стёпа, – они там мёрзнут что ли?

– Да просто там орбит подходящих нет, – Коля снова повысил голос, и Стёпа сделал ему знак убавить громкость. – Что случилось-то?

– Ренат заболел. А про орбиты я знаю. Мне было бы интересно послушать, что ты предлагаешь.

– Я предлагаю...

Но на этот раз предложение его не было оформлено словами, поскольку пришёл Сёма.

2

Сёма тоже был возбуждён от открытия, сделанного им накануне, но он, заметив моё отсутствие, первым делом справился о моём здоровье. Узнав, что я недомогаю, он направился ко мне в спальню, поэтому беседа возобновилась толь-

ко через добрых полчаса.

– Стас оказался прав, – ответил он на невысказанный вопрос, который, тем не менее, читался во взглядах Стёпы и Коли. – Произошёл сильный всплеск отрицательного поля. Это, как камень в пруд бросить, сразу круги по воде пойдут, только в нашем случае этот камень должен быть размером с...

– С метеорит, – вставил Коля.

– Вот именно, – подтвердил Сёма. – Наш метеорит (теперь я почти не сомневаюсь в том, что это именно он) пустил чудовищных размеров круги, но не по воде, а по отрицательному полю. Только не спрашивайте, как это у него получилось, потому что это для меня самого является загадкой.

– То есть возмущение отрицательного поля имело волновую структуру? – спросил Стёпа.

– Да, – ответил Профессор, – это я могу утверждать с полной уверенностью. Но для меня существует ещё одна загадка.

– Какая же? – удивилась Лана, которая как раз подошла из спальни, оторвавшись от меня и решив послушать друзей.

– Дело в том, что после этого небывалого возмущения, отрицательное поле, как будто бы исчезло. Как это случилось, ума не приложу.

– Ты хочешь сказать, что теперь ничто не вынуждает людей к негативным действиям? – переспросил Коля.

– Именно так.

– И поэтому умирают люди, существовавшие за счёт него?

– Точно.

– И во всём виноват метеорит? – глаза Ланы не могли скрыть удивления.

– Есть все причины так считать.

– Тебе удалось выяснить ещё что-нибудь? – спросил Стёпа.

– Только предположительный эпицентр, – точку, от которой пошли возмущения.

– И велика эта твоя точка? – с сарказмом поинтересовался Философ.

– Вообще-то это не точка, а круг с диаметром в пять – семь километров, находящийся на севере Восточной Сибири.

– Я так и думал, – тихо произнёс Стёпа. – Но, по крайней мере, площадь поисков значительно сократилась. В разы.

3

Вот так и было высказано то, что всеми давно уже подразумевалось. Метеорит решили искать. Как, а, самое главное, – зачем, решалось в нижеследующем разговоре, при котором присутствовали Алла и Стас.

Сейчас мне иногда кажется: вот будь я тогда здоров, – смог бы воспрепятствовать этому решению, но в душе понимаю, что всегдашняя тяга к приключениям, присущая этому возрасту, увлекла бы меня вместе с ними.

– Итак, решение найти метеорит единоголосное, насколько я понимаю, – подвела итог Алла.

Все, молча, подняли руки.

– Тогда, – продолжала она, – я предлагаю обсудить, как мы это сделаем.

– Отследить и сфотографировать место со спутника невозможно, – сказал Коля.

– Да и какой интерес был бы в этой фотосъёмке? – вступил в разговор Сёма.

– Насколько я понимаю, друзья, – заметил Стёпа, – мы все решили поучаствовать в приключении и найти этот несчастный метеорит, или что там с неба упало.

– Да, – отозвались все в один голос.

– Тогда, думаю, нам предстоит маленькое путешествие.

Все мы, когда молоды и полны сил, ищем приключения. Ради них, подчас, мы готовы влезать в самые безумные авантюры. Или предпринимать путешествия. Все понимали, что это не будет лёгкой прогулкой, но о подобном приключении, да ещё с такой завидной целью, как поиск чего-то, изменившего жизнь общества, мечтал каждый. А, тем более, когда рядом с тобой друзья, – все трудности кажутся пустяками.

– Я всё понимаю, – сказал молчавший доселе Стас, – но скажите мне: почему нам так сдался этот метеорит? Почему, если мы хотим прогуляться, нам не съездить в Европу, или, на крайний случай, в Америку, раз война закончена?

Это был риторический вопрос. Никто на него так и не ответил. В записных книжках нет ни одного упоминания об ответе на это самое «зачем?». Он просто озвучил страхи, под-

карауливающие душу любого. Страхи – оборотная сторона смелости, нерешительность – жажды приключений.

– Зачем?! Зачем?! Зачем?! – кричал я потом холодными ночами в одиночестве, избивая подушку. И знаете, что? С годами я, по-моему, нашёл ответ на этот вопрос. Не только для себя они хотели открыть тайну упавшего метеорита, а для всего человечества. Подсознательно они чувствовали, что это очень важно, но высказать словами не смогли.

Однако существуют такие тайны, которые отнюдь не жаждут, чтобы их раскрыли.

4

– Вот, чуть не забыл! – воскликнул Сёма. – Сегодня ночью я наблюдал довольно странное явление, которое неким образом может быть связано с нашим делом.

Он отхлебнул кофе из кружки и продолжил:

– Сегодняшнюю ночь я провёл в институте, по крохам добывая информацию, которую выдал вам тут на-гора. Аппаратура у меня там не в пример серьёзней, чем стоит тут, у Рената. Честно говоря, я уже думал, что она мне никогда больше не потребуется, ведь поля, как такового, больше нет. Но когда я подошёл к приборам, то увидел, что один из индикаторов уже не показывает ноль. Чтобы было яснее, объясню простым языком: сегодня ночью по каким-то причинам отрицательное поле снова активизировалось. Слабо, ненадолго, и, что характерно, точно. Но только я взялся отследить место, где оно проявилось, как произошло непредвиденное.

Вы же знаете, у меня приборы настроены на всё, что угодно, вплоть до сигналов из космоса, и вот, совсем недавно, я настроил прибор на одну постоянную константу. Когда же я следил за полем, индикатор на том приборе просто вспыхнул, показывая явную перегрузку на последнем уровне. После этого отрицательное поле исчезло.

– Ты можешь как-то объяснить это? – спросил Стёпа, по всей видимости, единственный понявший хоть что-то из того, о чём говорил Профессор.

– Нет, – признался тот.

Привожу эту часть разговора с единственной целью. Произошедшее действительно касалось нашего дела самым прямым образом, но относилось скорее ко мне, чем к ним. Если Сёма смог бы отследить то место, в котором активировалось отрицательное поле, то в центре его он с удивлением обнаружил бы мой дом. Там же произошло и противодействие. Но на ту пору никто из нас ни о чём не догадывался. Меня терзали различные видения, но я приписывал их своему состоянию.

Однако игра только начиналась, и моим друзьям, а впоследствии и мне, была отведена в ней не последняя роль. А то, что меня нарочно на время вывели из неё, я узнал лишь потом.

5

Компания наша не была стеснена в средствах. Да, почти у всех были состоятельные родители, кроме Умницы, – она

вышла из детдома, – но, в основном, у каждого было своё дело. Профессор химичил. Стас держал автомастерскую (что не мешало его собственному автомобилю постоянно ломаться). Стёпа писал критические очерки и научно-популярные статьи. Коля зарабатывал по части астрономии (и смежных наук, он даже составлением астрологических прогнозов не брезговал). Алла, как и Профессор, работала в институте, но только по части теорий. А у нас с Ланой был маленький семейный бизнес.

При сборах, длившихся неделю, финансовый вопрос не стоял в принципе. Мои друзья «сколотили» нечто вроде общей копилки, куда клали деньги на приключение. Будет скучно описывать все эти приготовления, но могу заверить, что ребята собрались основательно. Общий скарб, продуманный до мелочей, разместили по семи рюкзакам (тогда ещё надеялись на моё скорое выздоровление), купили спутниковый телефон (оказавшийся бесполезной игрушкой для них, зато спасший жизнь мне), снегоступы и т.д. и т.п.

На всё путешествие отводилось три недели вместе с дорогой. Надо было торопиться, поскольку в тех широтах, где упал наш небесный камень, скоро начиналась полярная ночь. Точного же места падения известно не было, что усугубляло ситуацию. К тому же тащить с собой продуктов больше, чем на три недели, не имело смысла, – рюкзаки стали бы неподъёмными.

И вот, наконец, сборы были закончены. А я всё ещё не поправлялся, хотя пик болезни, несомненно, прошёл. Язвы мои прорвались гноем и постепенно заживали. Лана проводила со мной всё своё время, и лишь изредка её заменяли мои друзья, один из которых всегда находился рядом с ней.

– Самое большое, через неделю мы должны вылетать, – сказал мне как-то Стёпа, улучив момент, когда никого рядом не было, а я чувствовал себя более-менее. – Что ты думаешь о своём самочувствии?

Признаться, я всё это время мало думал. Мозг казался мне каким-то инородным телом, помещённым в голову. Но вопрос поездки заботил меня по-настоящему с тех самых пор, когда ребята поведали мне о намерении найти место, куда упал метеорит.

– Если бы речь шла о двух неделях, – ответил я, – то, вполне возможно, я смог бы двинуться в путь вместе с вами, хотя и тогда стал бы обузой, но через неделю я не буду в форме.

– Я рад, что ты трезво оцениваешь своё состояние, – сказал Стёпа. – Хочу серьёзно поговорить с тобой.

– О том, о чём я думаю?

– Да. Ты не сможешь поехать с нами. К моему величайшему сожалению. Ты будешь всё ещё слишком слаб для этого испытания.

– Я понимаю.

– Безусловно, мы могли бы дождаться, пока ты нормально выздоровеешь, а потом поехать туда, по весне. Но перец в

том, что весной мы можем ничего не найти. В том районе подвижная почва, и к весне от метеорита там даже следа не останется.

– Так езжайте, – сказал я, преодолев себя, – потом всё расскажете.

– И покажем, – подмигнул мне Стёпа, – мы возьмём видеокамеру и заснимем всё интересное, а потом покажем тебе этот фильм.

– Я буду рад, – отозвался я, – а то, право дело, смешно тащить с собой в столь дальний поход человека, который и до сортира-то едва ходит.

Мы посмеялись над этим, а потом Стёпа наклонился ко мне, и на самое ухо прошептал:

– Хочу попросить тебя ещё об одном.

– О чём же?

– Отпусти с нами Лану.

– Так я же её не держу.

– В каком-то смысле – держишь.

– Хорошо, я поговорю с ней, ведь ей тоже будет полезно развеяться.

– Всё так, но она просто может не захотеть оставить тебя больного.

– Так что, я ещё должен уговаривать её ехать вместе с вами?

Стёпа встал и сверху вниз посмотрел на меня. Это был взгляд сочувствия, но, вместе с тем, некой укоризны. Не так

он всё это себе представлял: и поход, и разговор со мной. Для меня многое так и осталось тайной.

– Делай, как знаешь, – сказал он на прощание.

7

В этот же день, но двумя часами позже у меня состоялся ещё один разговор. И это притом, что меня и первый-то вымотал, как следует. Смешно: парню в двадцать пять лет утомляться от болтания языком. Но факт остаётся фактом.

Пришла Лана, притащила пригоршню витаминов из аптеки и мой любимый грейпфрутовый сок. Нас оставили наедине, будто знали, о чём пойдёт разговор.

Сначала она ворковала, как всегда, о том, насколько сильно любит меня, что скоро я поправлюсь, и всё у нас будет, как прежде. Потом она как-то странно смотрела на меня, когда я пил сок прямо из пакета. Когда же я отставил его на тумбочку, сказала:

– Они поедут без нас.

– Вы поедете без меня, – поправил её я, и увидел блеснувшие в глазах моей девушки слёзы.

– Я никуда без тебя не поеду! – воскликнула она, а крупные прозрачные алмазы уже катились по её щекам. – Я не брошу тебя! Тем более в таком состоянии!

– Лана, – сказал я уже полушёпотом, поскольку совершенно обессилел, – если ты не поедешь, то я всю свою жизнь буду чувствовать себя виноватым, потому что испытать такое приключение представляется возможным далеко не каждо-

му.

Она что-то хотела возразить, но осеклась на полуслове: мои слова упали в благодатную почву. Девушка разрыдалась. Её буквально разрывало пополам: одна часть просто жаждала поездки, а другая не мыслила жизни без меня.

Угадав эти терзания, я добавил:

– Да и потом, не навечно же ты уезжаешь. Стёпа сказал, что вы должны в три недели вместе с дорогой уложиться.

Казалось, что этот довод её убедил, но, в конце концов, рассудительная часть выдвинула своё последнее основание.

– Пусть даже три недели, – сказала она, – но кто же в эти три недели будет ухаживать за тобой? А вдруг тебе станет хуже? Нет, решено: я остаюсь!

Последнее предложение она уже почти прокричала, поэтому мой шёпот был едва слышен:

– За мной, – сказал я, – будет приглядывать сиделка. Это нам по карману. И потом, кто долгими зимними вечерами будет рассказывать мне о том, что видел?

Она ничего не ответила. Просто закрыла лицо руками и убежала. Это была и радость, и печаль, и гнев на саму себя за то, что желание поехать заглушило всё остальное.

Смотря теперь с высоты прожитых с того момента лет, я говорю себе: если б я знал! Если б я знал...

– Если бы я знал, то ни за что не отпустил бы её туда, – произношу я иногда вслух в тишине своего кабинета. – И никого из них.

8.

День начала Великого Похода, как окрестили это путешествие мои друзья, был назначен на третий, после описанных мною выше разговоров. За это время наняли мне сиделку и выработали конкретный план действий. Рассчитали путь: где на самолёте, где на поезде, а где пешком. Из-за странной и глупой, на мой взгляд, прихоти они не хотели привлекать к себе внимание. В связи с этим, поход их должен был пройти, как можно более скрытно.

Это, однако, не помешало им пригласить в свою компанию ещё одного человека. Так им показалось проще, чем распаковывать седьмой рюкзак, раскидывая его содержимое по оставшимся шести. Новым членом команды оказалась симпатичная девушка, также работавшая в институте. Она была заядлой походницей, и лишь это склонило моих друзей взять её с собой.

Девушку звали Ольга. Я видел её несколько раз, но никогда не подходил, да и зачем? Друзей у меня хватало, а за юбками я никогда не волочился, мне вполне достаточно было общества Ланы.

Кстати, Лана не отходила от меня ни на секунду. В тот момент мне казалось, что таким образом она пытается загладить мнимую вину передо мной, но, спустя годы, мне чудится, что она предчувствовала что-то, а потому была близка мне, как никогда. Ни с того ни с сего, она вспоминала какие-то эпизоды из своей жизни, иногда даже из самого дет-

ства, а после заливалась слезами. Мне нередко приходилось успокаивать её, невзирая, что тратил на это все свои скудные силы.

9

И вот настал день отъезда. Как ни странно, я чувствовал прилив сил и бодрости. Я даже встал и оделся, когда начали приходить ребята. Каждый из них приносил мне какой-нибудь сувенир. Я смеялся, говорил, что лучше пусть они мне привезут кусок того самого метеорита. Они клятвенно обещали выполнить мою просьбу.

После того, как все восемь человек собрались на моей кухне, на свет была извлечена жутко дорогая бутылка коньяка. Разлили по пятьдесят граммов, в том числе и мне.

– Мне можно и сто пятьдесят, как провожающему, – усмехнулся я.

– Тебе можно постельный режим, – ответил Стёпа, но остатки пододвинул мне.

– За удачу! – сказал он, поднявшись.

– За удачу! – подхватили все.

Выпили. Воцарилась тишина. Требовалось громкое слово. Поднялся Стас.

– Я понятия не имею, что мы найдём там, куда идём, – сказал он, – и найдём ли вообще. Но, как я понимаю, мы все рассматриваем этот поход, как необычное приключение.

Все согласились.

– Тогда за незабываемые впечатления! И пускай фортуна

сопутствует нам.

– Мы не играем, – взял голос Стёпа, – поэтому не можем проиграть. В нашем случае, смысл пути в самом пути. Хотя, найти метеорит и разгадать его тайны тоже будет недурно.

Все снова согласились.

Настала минута прощания. Цепочка из семи человек потянулась к двери. Перед выходом каждый считал своей обязанностью похлопать меня по плечу и что-нибудь сказать. За что я остался им благодарен, так это за то, что никто не поставил акцента на моей болезни.

– Мы его обязательно найдём! – сказал Коля, пожимая мне руку изо всех сил.

– Да, и принесём тебе кусочек, – поддержал его Сёма.

– А ещё мы разгадаем все тайны во вселенной, – почти на ухо шепнула Умница, после чего чмокнула в щёку.

Я увидел, как Лана сверкнула глазами на этот жест, и порадовался в глубине души.

– Не грусти, старик, – произнёс Стёпа и по-дружески приобнял меня. – Жди нас.

– До свидания, – сказала Ольга.

– Бывай, дружище, – молвил Стас и, задержавшись слегка, добавил, – и не держи на меня зла.

Ответом стало моё рукопожатие. Он до сих пор переживал за инцидент, случившийся после вечеринки. Это тоже меня порадовало.

Последней выходила Лана. Она прижала моё измученное

тело к себе и крепко-крепко поцеловала. Я ответил ей глубоким поцелуем, и в итоге наше прощание затянулось минут на десять. Дверь слегка приоткрылась, и из образовавшейся щели послышалось вежливое покашливание.

– Пока, любимый, – сказала Лана, – мы уже очень скоро увидимся.

– Пока, любимая, – ответил я, – очень рассчитываю на это. Постараюсь поправиться к твоему возвращению

– Окей, – сказала она, чмокнула меня в щёку и выскользнула на улицу.

10

Я запер дверь и пошёл в ту комнату, из которой мы с Ланой планировали сделать детскую. Прильнул к окну. За ним, выстроившись в цепочку, одетые, как заправские туристы, шествовали мои друзья.

Мне было печально, что я не смог отправиться с ними, и тут же появилось странное и дурное предчувствие, которое я немедленно списал на свою болезнь. Мне почему-то показалось – на миг, на единый только миг, – что я никогда их больше не увижу. Так тоскливо и одиноко стало моему сердцу, что хотелось закричать. Мог ли я тогда предполагать, насколько прав окажусь в своих предположениях?

Но тут сознание прояснилось. Вот же они: все семеро! И что с ними может случиться? Ведь они не в горы собрались, не по океану на яхте кататься, так что ж я волнуюсь? Тем не менее, тревожное ощущение не исчезло до конца, хотя и

значительно притупилось.

Наконец, группа туристов скрылась из моего поля зрения, и я не нашёл ничего лучшего, чем пойти и лечь в кровать. Вскоре должна была прийти сиделка, а мне страсть, как не хотелось, выслушивать её кудахтанье. Но перед тем я зашёл на кухню и одним залпом допил остатки коньяка. На душе стало легче. Я улёгся в кровать, начал фантазировать на тему, когда они вернутся, и что привезут мне. Придя, сиделка застала меня уже спящим. Так закончился день, в котором я в последний раз по-настоящему был счастлив.

Но, прежде чем продолжить своё повествование, я хочу пересказать вам историю, сочинённую Стёпой специально для нашей вечеринки.

Глава четвёртая. Люди и вампиры

1

1

Жили-были вампиры. Тихо так жили, никого не трогали. Ну, или почти никого. И жили они тоже почти, поскольку все поголовно уже умерли. Ну, почти умерли.

Но оставим подробности. Жили эти самые вампиры давно, некоторые даже возводили свою родословную к самому Сатане, хотя тому было абсолютно плевать на них. И расселились они по всей земле, и не тужили, а покусывали, по-сасывали (кровушку, ясное дело) и повизгивали от удовольствия.

Причём, это были очень гордые существа. Например, они считали, что пришли на Землю гораздо раньше человека, а, значит, планетка, вращающаяся вокруг такого неприветливого солнца, по праву принадлежит им.

Как бы там ни было, но без людей они обойтись уже не могли. Прошли те далёкие (и в меру неправдивые) времена, когда кровопийцы могли пить кровь животных. Некогда даже утверждалось, что и не было никогда такого, но всё же было принято, как легенда, или миф тёмных времён. В любом случае, этим славным созданиям требовалась кровушка разумных созданий.

---

¹ История, рассказанная на вечеринке Стёпой.

Век перемен не оставил за бортом и наших друзей. Теперь совсем не требовалось умерщвлять жертву, достаточно было загипнотизировать её и отпить грамм двести-триста, после чего бедняжке (хотя вампиры-то считали, что осчастливливают этим человека, поскольку избавляют его от скверной крови) ничего не угрожало.

Одно время даже предлагалось изобрести некие метки, невидимые человеческому глазу, чтобы отличать тех, которыми уже полакомились, дабы не кусать граждан дважды, но это предложение встретило неодобрение в вампирской думе. Дескать, человек может быть укушен столько раз, сколько он захочет.

Благодаря протезированию клыков, исключалось попадание вампирской слюны в кровь человеку. Всё было стерильно. Таким образом, стало возможным регулирование прироста вампиронаселения.

Было сделано ещё очень-очень многое, но отвлеклись, — отвлеклись мы с вами от главной истории, которая не стала бы возможной, соблюдай вампиры все свои законы вампирские и приличия.

2

Как-то под утро уже, когда все порядочные вампиры укладываются спать в свои уютные гробики, и даже отчаянные кровососы разбредаются по склепам и мавзолеям, компания подгулявших молодых вампирчиков шаталась по улицам и бессовестно нападала на прохожих.

Можно, конечно, оправдать этих малолеток тем, что был большой праздник: «День Великого Кровопускания», устроенный в честь одной крупной попойки с большим количеством жертв, но, сами знаете, нашей молодёжи только дай повод, а там она сама в разнос пойдёт. Нет, в любом случае, извинить их можно было бы, но они же ходили без протезов! Они кусали людей своими настоящими клыками! Вы представляете себе, что это значит? Сущий кошмар в мире людей и настоящее стихийное бедствие в мире вампиров, где давно уже всё строго регламентировано.

Так вот, эта компания ходила по улицам и направо, и налево кусала, кусала, кусала. Ужас! Видели бы вас мамы. Впрочем, мамы их всё равно увидели.

В специальных выпусках, как вампирского, так и человеческого, телевидения крутили одни и те же кадры, только с разными комментариями.

– Сегодня ночью, – вещал диктор человеческого телевидения, – были убиты несколько десятков человек. Всё это походит на дикое средневековье, но, скорее всего, эти люди стали жертвами древнего, тёмного и чудовищного ритуала. Из них выкачивали кровь! О, Боже! В какой кошмарной стране мы живём!!!

И всё в таком духе.

– Предыдущей ночью, – вторил ему диктор телевидения вампирского, – мы столкнулись с вопиющим актом насилия. Всё это походит на дикое средневековье, когда мы ещё не

могли контролировать уровень прироста населения. Тысячи тонн литров крови, потреблённых нашими лучшими умами – всё насмарку, из-за какой-то группки малолетних террористов. О, Дьявол! Как нам существовать теперь?!

И т.д., и т.п.

Виновных, конечно, схватили. Свои. Судили за преступление против общества и приговорили к четырёмстам годам жизни среди американцев.

– Лучше уничтожьте нас, – молили малолетние преступники.

Но малолеток у нас не казнят. А дело это приняло такой оборот, что скоро всем страшно стало.

3

В те времена жил меж людьми такой человек – Василий Мощный. И хоть крови у него всего литра полтора могло набраться, а всех мощей и до пятидесяти килограммов не дотягивало, зато мощен он был разумом своим, как никто в земле той. Объяснялось это просто: состояла у него на службе машина с именем грозным: Пентиум Четвёртый, царским почти. На пару с ней он думал, как десять учёных, сотня обычных людей, тысяча алкоголиков и три наркомана.

Прослышал он о злодеянии том, что вампиры учинили, и поклялся отомстить им мезтью страшной, доселе и не виданной ещё. Съев для храбрости грибов – даров леса, он даже решил извести весь род вампирский.

Но поклясться-то – он поклялся, а вот, как клятву-то свою

исполнить? Пригорюнился тут Василий Мощный, есть перестал, исхудал ещё больше, чем был, но, вкинув ещё грибочков, вспомнил, что есть у него верный конёк-горбунок по кличке Пентиум. Развеселился сразу, припал к клавишам и стал вычислять, как ненавистный род вампирский погубить вместе с президентом их Шайтаном.

Долго ли коротко ли он высчитывал, но год прошёл. А тут, как назло, телефон за неуплату отключили. Но недаром Пентиум был волшебным зверем, и имел он линию выделенную, что позволило Васе, ставшим уж вообще придатком его мозговым, в один прекрасный день воскликнуть:

– Эврика!

Распечатал он свой план (один на принтере, другой из кулька), да и пошёл к министру.

Так, мол, и так, говорит, придумал я, дескать, как род-то вампирский ненавистный истребить. Хотел было министр вышвырнуть героя человеческого, да подумал, вдруг, что может ему прибыток с этого выйти в виде ордена, или на крайний случай квартирки какой захудалой.

– Ладно, говорит, – давай сюда план свой (да не этот, дурень), и катись подальше от дворца моего министерского. А мы уж тут думать будем, что да как.

Василий Мощный расстроенный до жути поплёлся к своему другу единственному – Пентиуму. Выпили вместе горькой, а тот и говорит человеческим голосом:

– Ты, братан, не раскисай, в натуре, всё ещё перемениться

может, век нового программного обеспечения не видать.

Послушался Василий машину умную, да и затаился на время.

4

А министр-то и забыл совсем о плане том, как вражину лютую извести. Предавался он работе трудной в оргиях пламенных, да и к нему беда пришла. Попал он в опалу правителя земель тех. Да в такую, что уж думал, – портфеля министерского не сносить. Тут он возьми, да и вспомни, что есть у него оружие тайное, Васей разработанное.

Пришёл он к правителю, упал на ковёр, и запричитал:

– Не вели сместить, вели слово молвить!

– Говори, – сказал тот, поскольку человеком был от природы мягким, идиотом почти.

– Знаю, – плакался министр, – знаю, что прегрешений за мной тьма-тьмущая.

– И то верно, – согласился правитель.

– Но имею средство я искупить вину свою.

– Каким же образом?

– Да вот, посидел я на досуге, подумал, как землю нашу от нелюдей поганых избавить, и нашёл способ верный.

– Нам интересно, – ответствовал на речь эту пламенную правитель.

– Вот, ознакомьтесь, – и министр вручил тому план, разработанный Василием Мощным и коньком-горбунком его Пентиумом.

Весьма понравился план этот правителю, и принял он его, и подписал указ, согласно которому все жители той страны должны были в указанное время снадобье принять. Снадобье это состояло из очень-очень многих компонентов, но благодаря ему теряло племя вампирское власть над людьми. Не годилась теперь кровушка их в пищу, а убивала быстрее яда всякого.

Возвеселился народ, поскольку нападения на простых граждан совсем прекратились, можно было жить – не тужить, совершенно не чураясь прогулок ночных. Возлюбил тогда народ правителя своего пуще прежнего, и поставили ему памятник громадный, а министру орден достался.

А Василия-то поблагодарить совсем забыли. Все лавры между сильными мира сего разошлись. Министр на деле забыл даже, что не он это задумал. Теперь он вынашивал план и мир весь от нечисти этой избавить, тогда и на скромную пятиэтажную квартирку надеяться можно.

5

Смятение и страх царили меж родом вампирским. Многие подались в страны заморские в поисках пропитания, другие гибли от голода. Один пророк их обезумевший кричал, что судный день настал, и что пора за грехи тяжкие расплачиваться.

Но президент вампирский остался, дабы найти способы вернуть спокойствие и мир народу своему зубастенькому. Но вскоре ясно ему стало, как в полнолуние, что не осталось

среди подчинённых его голов сообразительных.

И не осталось ему ничего, как призвать из Америки дальней тех, из-за кого весь этот сыр-бор разгорелся. Был среди них один прямой потомок Влада Цепеша, в миру более известного, как граф Дракула. Потомка этого звали просто Клык, и за родовитость свою он даже снисхождение получил. Его одного не на четыреста лет изгнания приговорили, а на триста девяносто девять и девять месяцев.

Предстали молодые преступники во главе с Клыком пред ясны очи президента, и сказал он им:

– Вот видите, что из-за вашей самодеятельности вышло? Граждане наши лишены последней возможности выжить. Что ответите мне на это?

Все потупили глаза, и лишь Клык посмел ответить.

– Мы виноваты, – сказал он, – но и несём своё наказание.

– Сейчас оно уже не имеет смысла, – сказал президент.

– Почему же?

– Да потому, что не остановятся люди на достигнутом, вот и всё. Они увидят, как ловко покончили с нами в одной стране, так и в других странах возьмутся. Попомните мои слова: через пару месяцев мы перестанем существовать, как вид.

Испугали речи эти юнцов.

– Что же делать? – вскричали те.

– Надо каким-то образом помешать людям отраву эту по земле распространять, или...

– Или? – переспросил Клык.

– Или найти противоядие, – закончил президент.

– Хорошо, мы постараемся выполнить это задание, – сказал Клык, – но при одном условии.

– Какие ещё могут быть условия? – воскликнул президент.

– Если всё получится, то нас оправдают и не пошлют больше в Америку.

– Хорошо, это я вам могу пообещать.

6

Тем временем министр наш знакомый готовил переговоры тайные с державами заморскими. Много сулили ему за сыворотку противовампирскую. На средства те и он, и дети, и внуки жить безбедно смогли бы. Но в вечер, когда он должен был передать образцы и состав напитка чудодейственного, случилось непредвиденное.

Явились к министру четыре вампира с кожей цвета бледно-зелёного из-за харчей американских.

– Ша, – сказали они, – пришли мы к тебе по делу важному, президентом нашим одобренному.

– Ничего не знаю, – заверещал министр, как свинка резанная, – ведать не ведаю, со всеми вопросами к правителю верховному, а кровь моя убьёт вас.

– Да не нужна нам кровь твоя поганая, – сказал Клык, – если надо будет, мы тебя так убьём, насовсем.

Ох, и не понравилось министру это самое «насовсем», что-то зловещее в нём было. Да тут и подогнулись коленки министерские, и шлёпнулся он на пол.

– А у правителя мы были уже, – продолжал вампир молодой, внимательно когти свои разглядывая, – За пачку памперсов открыл он нам, что сыворотку ядовитую ты, поганец, изобрёл.

– Я? – изумился министр.

– Вот именно, – ты, – и Клык сделал шаг по направлению к министру.

– Всё, всё скажу, – запричитал тот, – только не убивайте меня! Насовсем.

– Хорошо, – сказал Клык, – не убьём мы тебя, коли честен будешь, и как на духу всё расскажешь.

И принялся рассказывать им министр про то, как пришёл к нему Василий Мощный, да как принёс план свой, да как он выгнал его, а идеи все себе присвоил.

– Теперь-то понимаете вы, что не виноват я ни капли? Не питал к вам дурного ничего, только спастись от немилости хотел, – пролепетал он.

– Понимаем мы, – сказал Клык, – что сволочь ты порядочная, но так уж и быть – живи, а сыворотку с рецептом отдай.

Отдал им министр и сыворотку, и рецепт, лишь бы оставили его в покое.

– И ещё, – оскалился Клык, – а не поделишься ли ты с нами адреском того самого Василия?

– Конечно, конечно, – замирающим шёпотом ответил тот.

Вампиры взяли из рук его дрожащих листочек с адресом и испарились восвояси.

А Василий Мощный тем временем горячительные напитки пил изготовления собственного. Совсем голову потерял от горя. Как же так, – думал он, – спас народ свой от вражины лютой, а чем оплатил тот? – забвением!

Василий не хотел славы всенародной, но хоть бы кто-то пришёл, да спасибо сказал за избавление от нечисти поганой. Но никто не приходил, и ничего не говорил. Заслуги все Василины министру приписали. И возненавидел Василий министра того, как только мог человек ненавидеть.

Но вот настал день, когда Пентиум недремлющий вдруг повёл мышью своей и молвил:

– Гости у нас, Васенька. И гости притом жуткие. Но будь ласков с ними, и всё к тебе вернётся.

– Начхать, – только и смог ответить Василий.

В этот момент пространство в квартире его нагрелось, зашевелилось, и прямо из ниоткуда четвёрка кровососов вывалилась.

– Наконец-то, – произнёс Василий, не поворачиваясь даже.

Клык только удивлённо бровью повёл.

– Убейте меня, – человек едва держался в кресле своём. – Убейте меня, ибо опостылела мне жизнь эта противная.

– Мы не собирались убивать тебя, человек, – молвил Клык после замешательства минутного, – мы по делу к тебе.

– Да, какие у меня могут быть дела с нечистью? – восклик-

нул Василий горестно.

– Ведь это ты сыворотку против укуса сделал? – спросил Клык.

Только тут бедный Вася повернулся лицом к гостям непрошенным. Отвисшая челюсть выдавала терзания его. Пришла, наконец, слава долгожданная, но кто стал вестником её? – Ужас!

– Да, и горжусь этим. И рад истребить вас до последней летучей мыши.

При упоминании о мыши Пентиум невольно дёрнулся, и чуть не «завис».

– Можете покарать меня за это, – продолжал речь свою выпреннюю Василий.

– Ты не виноват, – ответил Клык, – просто находишься во власти мнения общественного, ошибочного очень. Мы не вредим роду вашему, правда, случаются накладочки.

– Накладочки?! Так вы это называете? – и он показал фотографию, из газеты вырезанную, с видом покойников многих, превращённых в вампиров, Клыком и друзьями его верными.

– Не горячись, Василий, – сказал на это Клык, – пойдём сейчас к президенту нашему, там тебе всё объяснят.

– Никуда я не пойду! – вскричал тут Василий.

Клык уже отчаялся, думал, что силой придётся изобретателя тащить к президенту. Так и произошло бы, кабы не вмешался тут в дело конёк-горбунок Васин по прозвищу Пен-

тиум.

– Васенька, – сказал он ласково, – а разве не хочешь ты отомстить за имя твоё, при дележе лавров забытое? Не хочешь ли ты министра вздуть, как следует?

– Хочу, – нехотя отозвался Василий.

– Ну, тогда иди с ребятами, они действительно парни неплохие, и зла тебе никакого не причинят.

– Не пойду.

– Ну, Васенька, ради меня.

– Ладно, ради тебя, согласен.

И возликовали вампиры, что справились с большей частью задания, и повели Василия Мощного к президенту. И не как пленного повели, а как гостя дорогого.

8

И вот, предстал герой наш пред ясны очи президента государства вампирского.

– Здравствуй, Василий, – приветствовал его тот.

– Не могу ответить тем же, – пробурчал Василий, – поспе-
му, привет.

– Наслышаны мы о подвигах твоих ратных в борьбе с нами, и о славе твоей, к другому ушедшей, и о грусти тебя изводящей.

– Всё так, – ответил герой наш. – Вот только не пойму я, к чему разговоры эти со мной ведёте?

– Есть одно соображение. Ведь существует вариант, при котором помочь ты нам сможешь.

– Я не собираюсь помогать вам, потому что вы враги людские рода человеческого.

– Ошибаешься ты, человеке, – говорил на это вампир главный, – да только осознать этого пока не можешь.

– Не собираюсь я осознавать ничего. Говорите, зачем звали.

– Подойди ближе, – сказал вампир, – я хочу показать тебе кое-что.

Василий повиновался, правда, нехотя.

– Вот шар магический на кристаллах жидких, – продолжал вампир тем временем, – останови взгляд свой на нём, и откроется правда тебе неприкрытая.

Глянул Василий и онемел. А шар магический показывал ему страну его и сограждан. Поначалу ничем это не отличалось от того, что видел он глазами своими раньше каждый день. Лица людей были ясными, а помыслы чистыми.

– Так было до того, как испробовали сыворотку твою, – сказал вампир. – А теперь смотри, что стало с соотечественниками твоими.

Изображение в кристаллах жидких изменилось, заставив ужаснуться героя нашего гордого. Лица людей стали цвета пепла и стали. Огонька в глазах не было. Все выглядели разбитыми и уставшими. Ругались. Ругались на углу каждом и жутко ссорились. И умирали, умирали, умирали.

Побледнел тут Василий. Сделалась кожа его с вампирьей цветом схожа.

– Что с ними? – воскликнул он драматично. – Что довело бедных людей, сограждан моих до состояния такого?

– Ты, – сказал вампир негромко, но слово это резануло по ушам, словно скальпель, отточенный остро.

– Нет! Не может быть! – вскричал Василий.

– Может, Вася, может, – мягко ответил вампир.

– Но почему?

– Из-за сыворотки, Вася. Понимаешь ли ты, что всё взаимосвязано в мире этом? И нет такого зла, которое не принесило добра в итоге?

– Понимаю.

– А раз понимаешь ты это, то должен понять и то, что не простые мы небокоптителы и кровопийцы, а очень даже нужный обществу вашему элемент. Раньше, когда имели мы возможность пить кровь вашу безбоязненно, то забирали только отработанную, ту, которая несёт смерть и разрушение вашему организму. Таков вечный баланс сил, Вася. Мы старались не брать лишнего, хотя, конечно, не обходилось и без инцидентов. Но теперь лишены мы возможности чистить кровь вашу, а посему погибаем не только мы, но и вы тоже.

– Что? Что я могу сделать для народа своего? – спросил Василий Мощный.

– Создай противоядие для сыворотки своей, и всё будет, как раньше. Мы сможем жить, но и народ твой сохранит счастье своё.

– Хорошо, – ответил герой наш и удалился к другу своему

Создать противоядие оказалось гораздо легче, но тут встала перед Василием ещё одна проблема, пострашнее даже, чем все предыдущие. Не хотел народ его противоядие принимать. Нет, – говорили они, – не видать кровушки нашей извергам этим. Пусть лучше мы так умирать будем, чем от клыков бестий этих. Опечалился Василий, но рук своих не опустил. Сказал себе: буду биться за счастье народа своего даже с ним самим и в ущерб себе самому.

Не нашёл Василий способа лучшего, чем выступить принародно и объяснить народу глупому, чем вампиры-то хороши. Но не стал народ чёрный слушать доводы его. Напротив, разгневалась толпа сильно, да и побила героя нашего камнями да телефонами сотовыми. Побила, да оставила на площади помирать в луже крови собственной, под статуей вождя древнего вампирского и человеческого, дабы другим неповадно было убийц кровососущих обелять.

И готов уже был Василий Мощный дух свой мученический испустить, когда увидел, что рядом знакомец его давешний стоит по прованию Клык.

– Беда? – поинтересовался тот.

– Беда, – подтвердил Вася, – мне б ещё разок попробовать, да кончаюсь я уже.

– Слушай, могу горю твоему помочь, – сказал тут Клык, – давай, к нам переходи.

Подумал Василий немного и согласился, потому что не видел другой возможности помочь народу своему несчастному, побившему его, но всё равно горячо любимому.

10

И укусил Клык Василия с прозвищем Мощный. И стал Вася вампиром. И придумал он на основе сыворотки своей новое противоядие. Вампиры наши смогли пить кровь любого человека безбоязненно. И всё стало, как раньше. И воцарились мир и спокойствие, как на земле человеческой, так и на стороне вампирской.

И простили юных нарушителей порядка, поскольку доблестью своей искупили они вину свою страшную, и незачем больше было в Америку ужасную посылать их.

А Василий зажил счастливо. Подарили ему замок роскошный, куда и въехал он со своим Пентиумом, и стал веселиться в меру, да и работать на благо человечества, и существовать всех нужных. А спустя некоторое время избрали его президентом государства вампирского, и при нём всегда всё было грамотно и законно, благо бросил он горячительные напитки свои, и баловался исключительно грибочками, да и то редко.

Но министру он всё равно отомстил, ибо зол был на него чрезмерно. Пробрался он как-то в жилище его скромное трёхэтажное, надел протезы на клыки свои, и выпил всю кровь его до капельки. Совершенно не мучился министр тот, и умер.

Насовсем.

Глава пятая. Служба спасения

1

История эта, как я уже говорил выше, имела непосредственное отношение к тому, что происходило на самом деле. Правда, первоначально я считал, что это касается исключительно энергетических вампиров, однако, время показало, насколько глубоко я ошибался.

В течение трёх недель с момента отъезда моих друзей я лежал в постели и буравил потолок взглядом. Тревожные предчувствия не покидали меня, а болезнь отказывалась оставлять, вцепившись в моё источенное язвами тело. Порой она огрызалась, и тогда мне становилось совсем худо.

Врач навещал меня постоянно, однако по-прежнему не мог ничего поделать, поскольку не знал, в чём заключается эта болезнь. Были только общая слабость, низкие давление с температурой, да ещё эти проклятые язвы по всему телу. И всё. Остальное – в полном порядке.

Однажды возле меня собрали целый консилиум, но это тоже ничем не помогло, разве что развеяло меня на некоторое время.

Единственным моим развлечением оставалась сиделка, женщина лет сорока с небольшим. Но мне было неприятно разговаривать с ней, потому что в каждом её слове сквозила жалость ко мне, как будто я был инвалидом. Или уродом.

Объяснять ей, что не надо меня жалеть, потому что я скоро поправлюсь, было глупо, она всё равно не поняла бы, поэтому я постарался свести общение с ней до необходимого минимума.

Таким образом, я остался совершенно один, заключённый в четырёх стенах, и почти прикованный к постели. К тому же терзаемый чувством горькой тоски и жгучего, непреодолимого отчаяния. В течение трёх недель я оправдывал всё отсутствием Ланы, которая никогда не давала мне почувствовать себя одиноким, однако ж, по прошествии их, когда беспокойство стало усиливаться с каждым днём, я понял, что предчувствие беды жило во мне с самого начала.

– Ну, зачем я отпустил их туда? – кричал я себе в гулкой тишине комнаты.

Ответа не было, да и не могло быть.

Тогда я часто вспоминал истории, рассказанные ребятами, пытаюсь откопать в них ответ, но, скорее, для того, чтобы хоть как-то отвлечься от терзавших меня мыслей, хотя находил в рассказах только новую боль. Особенно в этой, рассказанной Стёпой, над которой мы все очень смеялись, и поначалу даже не хотели засчитывать, как страшную. Только теперь я понимаю, насколько она страшна на самом деле.

2

Первый приступ настоящего ужаса я испытал на исходе четвёртой недели отсутствия моих друзей. До того дня я то злился на них, то клял за своё одиночество, то грустил и мо-

лил их вернуться, то просто распускал нюни в подушку. А тот день я запомнил вполне ясно.

Ещё бы! Что-то нашептало мне, что моих друзей уже нет в живых. Я не хотел верить. Я бился в истерике, насколько мне это позволяли мои скромные силы. Мой разум никак не хотел верить, а тем более смиряться с тем, что нет уж тех ребят, тех дорогих моему сердцу друзей, которых я меньше месяца назад проводил из своей двери. Разум с возмущением гнал любую подобную мысль. Но душа... Душа моя знала, что этот бесплотный шёпот не врёт.

Было ещё одно интересное обстоятельство. С неких пор я ощутил, что все мои друзья не требуются там. Нужен я. В ускользнувший от меня и незафиксированный мною момент, мне это стало ясно, как то, что на улице осень. Но я плевал на это знание. Важно было только одно: мои друзья.

О, сколько раз я порывался последовать за ними. Однако мои скудные силы не позволяли мне совершить подобную безрассудность. Теперь я рыдал в подушку по поводу того, что друзья мои, скорее всего, в смертельной опасности, а я ничем не могу им помочь. Но всё это было бесполезно.

Дни складывались в недели, а от ребят по-прежнему не было никакой весточки. Тогда по телефону я поднял на уши весь местный отдел службы спасения. Я оборвал им всю линию, добиваясь, чтобы они сделали хоть что-нибудь, чтобы спасти моих друзей. И добился. Но только того, что они попытались пробиться на спутниковый телефон, что взяла с со-

бой моя компания, через особый канал. Всё было тщетно: телефон молчал.

3

И всё-таки, несмотря ни на что, я начал поправляться. На это ушёл ещё целый месяц. Иногда наступали такие моменты, в которые болезнь, казалось, вцепилась последней мёртвой хваткой в меня, и не выпустит никогда. Но вот пришёл день, когда я понял: болезнь отступила туда, откуда уже не дотянуться. Что изводило меня, так никто и не понял. Кроме меня. Да и сам я узнал всё только через много дней.

Весь этот месяц был отравлен чёрной кошкой, засевшей под моим сердцем, и потихоньку грызущей мою душу. Что там говорится по этому поводу? – Грусть-тоска меня съедает? Не совсем так, но очень близко к этому. Ни одной секунды покоя не было у меня.

И вот я начал действовать. Единственное поглотило меня без остатка: желание выручить своих друзей, или хотя бы найти их тела. У меня были кое-какие деньги. Я продал свой бизнес и заложил квартиру. Таким образом, остался только дом и небольшой счёт в банке на случай, если вернусь, в чём я сомневался, и небезосновательно.

В первую очередь я обратился к спасателям.

4

Я появился в региональном отделении службы спасения неожиданно для его служащих.

– Мне нужно к Вашему шефу, – сказал я секретарше.

– У Вас назначено? – она скользнула по мне тусклым секретарским взглядом.

«Ну, курица в перьях», – подумалось мне.

– Нет, – резко ответил я.

– Вы по экстренному случаю?

– Нет, но мой случай известен в этих стенах.

– Подождите, я спрошу.

С той же безразличностью во взгляде секретарша подняла трубку и начала выяснять у своего шефа, можно ли пропустить меня.

Дурдом.

Наконец, мне было разрешено войти.

– Здравствуйте, я по поводу пропавшей экспедиции. Я прошу оказать мне помощь в её поиске, – выпалил я с порога.

– Простите, – сказал седовласый человек с уставшими глазами (такие были у одного моего родственника, он в танке горел), – но я ничем не могу Вам сейчас помочь.

– Вы не понимаете! – разгорячился я. – Там люди, все они мои друзья, и они в опасности! Ваш долг – помочь им!

– Это Вы не понимаете, – печально произнёс человек, сидевший напротив меня; в его глазах явственно читалось сочувствие. – У меня нет сейчас ни одного свободного человека. Вся наша служба уже третий месяц без выходных пашет. А обязанности свои я знаю, более того, я попробую помочь Вам, когда у меня будут люди.

– Но это же несправедливо, – вырвалось у меня.

– Это жизнь, – молвил мой собеседник.

Я вылетел из отделения службы спасения весь в слезах и с озлобленным сердцем. Не то, чтобы я по жизни такой плакса, видимо болезнь моя не прошла бесследно. И ещё я злился. На всё и вся за то, что мне не желают помочь.

– Что мне делать?! – кричал я, пробегая по улицам и пугая прохожих. – Что делать мне?!

Ответ пришёл неожиданно. Как будто он всегда лежал в моём сознании и только дожидался удобной минуты, чтобы выплыть наружу.

– Я найму людей, – сказал я себе вслух. – И мы отыщем моих друзей. Обязательно отыщем.

Тут небеса прохудились, и на землю стали падать первые робкие пушинки, предвещающие скорую зиму. Но как бы невесомы не были эти замороженные кристаллики воды, они серьёзно поколебали мою уверенность.

«Но как же мы поедem туда зимой? – думал я. – Что мы сможем там найти?» Дело было даже не в снеге, – он там лежит почти всегда, – а вот как быть с темнотой? Территория вечной мглы. Что это? – название какого-то фильма, или книги? – Не знаю, но ясно то, что мне придётся столкнуться с этим, если я предприму безумную попытку ехать сейчас. Но, чёрт возьми, я нужен своим друзьям, и могу перенести ради них всё, что угодно.

С такими мыслями я пришёл домой и сразу же бросился к телефону.

– Служба частных объявлений?

– Да, что Вам угодно?

– Я хочу дать объявление по всему региону, задействовав, как можно большее количество информационных источников.

– Вы представляете себе, сколько это будет стоить?

– Да.

– Тогда диктуйте текст объявления.

Я продиктовал текст, номер своего телефона, адрес и номер счёта. Теперь добровольцы со всех близлежащих районов должны были хлынуть ко мне домой в поисках лёгких денег и неиспытанных ощущений. Ещё бы! – поиск исчезнувшей экспедиции, это вам не турпоход по побережью Чёрного моря. Конечно, добровольцы, это не профессионалы, но последние же отказались мне помогать. В чём же меня винить?

5

Следующие несколько дней принесли с собой новые заботы. Мой дом буквально осаждали добровольцы отправиться со мною в дебри Восточной Сибири на поиски моих пропавших друзей. Я не предполагал, что у меня ещё будет возможность выбирать, но воспользовался ею на все сто процентов. Я старался отбирать тех, кто был знаком с экстремальными видами спорта, или проходил курс выживания. Таких было немного, но, как я говорил, народ валил на возможность заработать «лёгкие», как им казалось, деньги валом.

И вот, когда я уже выбрал из двух с лишним сотен пять че-

ловек, произошло неожиданное. Раздался длинный звонок в дверь, и я пошёл открывать, думая, что прибыл очередной доброволец.

Отчасти так оно и было. За дверью стоял тот самый седовласый человек из службы спасения, которого я не так давно молил о помощи.

– Вы тоже наниматься пришли? – спросил я его.

– Можно сказать и так, – ответил он, проходя на кухню, где я устроил временный штаб. – Я могу организовать ту операцию, о которой Вы просите.

– Вы пришли предложить мне официальную помощь?

– Не совсем. Я здесь, как частное лицо.

– То есть Вы мне предлагаете помощь за мои же собственные деньги.

– Да, но есть нюансы.

– Слушаю Вас.

– Во-первых, денег потребуется меньше, чем на Ваших добровольцев, во-вторых, – у Вас под руками будут профессионалы, а не охотники за лёгкой наживой, а в-третьих, – всё наше оборудование – к Вашим услугам.

– Сколько? – спросил я.

– Нас будет шестеро... добровольцев, – неуверенно сказал он, но потом заметно оживился. – Каждому по две трети от того, что Вы обещали другим. Но за снаряжение Вы не заплатите ни копейки. Озаботьтесь только дорожными расходами.

– Хорошо.

Удача сама плыла ко мне в руки. Негоже было пренебрегать этим.

– Ещё одно, – седой человек вроде бы смутился, но взгляд его оставался твёрдым.

– Что Вы хотите?

– Вы расскажете нам всё, что знаете. Мы должны понимать, во что впутываемся.

– Я согласен, – ответил я, чуть подумав.

– Тогда по рукам?

– По рукам.

Он ушёл, а я остался наедине со своими мыслями. Всё складывалось, как нельзя лучше, но... всегда это самое «но». Оно возникает везде и всегда, как бы хорошо всё не складывалось. Ну, не безумство ли? Не безумство ли всё, что я запланировал? – Тащиться в полярную ночь, в непроходимые почти снега, искать там неизвестно что, неизвестно где, да ещё и людей волочь с собой, пусть они хоть трижды профессионалы.

Однако вспомнив о друзьях, я очень быстро выкинул эти мысли из головы. Я найду людей дорогих моему сердцу, чего бы мне это не стоило.

6

Со своими будущими спутниками я познакомился за день до отъезда. Их было шестеро. Я седьмой. Я даже подумал, что меня преследует цифра семь. Но, скорей всего, это было

просто совпадение. Так я думаю до сих пор. А там, кто знает.

Седовласый – майор службы спасения – был мне уже знаком. Звали его Олег Петрович. Остальные пятеро подходили ко мне поочерёдно, жали руку и представлялись по имени.

– Сергей, – сказал добродушный здоровяк метров двух роста. Косая сажень в плечах, говорят про таких. Мне почему-то подумалось, что, например, в поединке с быком, он выйдет победителем, причём, без всяких подручных средств.

– Костя, – сказала уменьшенная копия Сергея. Он был совсем молод, но взгляд его пронзал, казалось, до глубины души.

– Антон, – сказал следующий, этот был ростом с меня, но худющий, словно жердь. Однако явная, хоть и скрытая сила сквозила через всё его существо.

– Володя, – это был интеллигент, даже очки в тонкой оправе, водружённые на переносицу, дополняли впечатление. Вот только сей образ казался наносным. Человек, насколько умный, настолько и сильный, подумалось мне.

– Саша, – это уже был классический мордovorот с непроницаемым выражением лица.

Как я узнал позднее, все они были офицерами службы спасения и получали нищенскую зарплату. Все вызвались добровольцами, но не из-за денег, а из-за того, что действительно хотели помочь мне: ради этого дела они все, как один, взяли отпуск за свой счёт. Что самое главное, они знали: ку-

да и зачем они идут, и подготовились основательно. Такого снаряжения, как у них, я не видел даже у своих друзей. Профессионалы – одно слово. Я до сих пор восторгаюсь ими, несмотря на всё то, что произошло позже.

7

– Поедем на поезде, – сказал я.

Олег понимающе кивнул. На поезде ехать дольше, зато никаких случайностей. А для самолётов существует нелётная погода, запасные аэродромы, отказ двигателей, в конце концов, можно вовсе не долететь; террористы там всякие.

– Я забронировал четыре купе в спальном вагоне.

– Ну, это уже роскошь, – сказал Олег, – мои бойцы привыкли и в палатках спать.

– В палатках мы все ещё выспаться успеем, – заметил я ему. – Притом, вдобавок на промёрзшей земле.

– Резонно, – ответил Олег, – но всё же можно было обойтись и обычными купе.

– Поезд-экспресс, так что до пункта назначения доберёмся одним махом.

– Меньше чем тремя сутками всё равно не отделаемся.

– Да, – согласился я и достал карту. – Вот здесь, – я указал на крупный сибирский город, – мы сделаем пересадку. Дальше поедem на местном аналоге электричек до станции «Роднино». Здесь есть маленький городок, от которого...

– Простите, – Олег с интересом разглядывал карту, на которой имелись пометки Коли, Сёмы и Стёпы. – Вот тут кру-

жочком обозначено то место, куда мы должны добраться?

– Да, – ответил я, – это район поисков.

– Владимир, – обратился Олег к своему подчинённому в полуофициальной манере, – разберись с этим, проложи маршрут.

– Хорошо, – отозвался интеллигент, принимая карту из моих рук, – будет сделано.

– Он у нас отлично в картографии разбирается, – словно оправдываясь, сказал Олег.

– Так даже лучше, – произнёс я. – Тогда...

– А теперь, – мягко прервал меня Олег, – мы все хотели бы услышать, зачем в такую глушь забралась экспедиция, к поискам которой мы приступаем.

И я рассказал. Всё. Начиная с вечеринки и бессонного утра после неё, с метеорита и озлобленности, которую все испытали. Я рассказал про догадки, совпадения, неожиданные решения, словом, про всё, что имело отношение к данному делу. Умолчал лишь об одном: о сне. Посчитал, что это неважно. А зря.

8

Этой же ночью всё забытое из сумеречного мира вернулось ко мне. Только моя голова коснулась подушки, как я очутился в иной реальности. Мне сразу стало страшно, и не потому, что я стоял по пояс в снегу на опушке чёрного леса, а потому, что боялся расплатой болезнью и на этот раз.

Пока я так стоял и думал, в лесу послышался вой. Из-за

деревьев вынырнула полная луна. Не ледяная, как тогда, а кровавая. Ну, хорошо, пусть, будет просто красная. Я стал озираться: опушка изгибалась в обе стороны, и получалось, что я стою с трёх сторон окружённый лесом, а сзади простиралось бесконечное снежное поле.

Вой повторился. На этот раз ближе. «Волки», – подумал я. И тут, словно в ответ на это слово, пришла чья-то мысль: яркая, острая, режущая мозг, будто ножом.

«Уходи отсюда! Уходи отсюда! Уходи отсюда!!!»

– Почему?! – крикнул я в лес.

Ответом был протяжный вой. И вот уже во тьме между стволов показались пары блестящих огоньков. Волки приближались. Внезапно накатил страх перед хищниками. И не было это похоже на ушат ледяной воды, а, скорее, на волну цунами с Ледовитого океана, которая при падении ударила в одну точку.

В меня.

В каждой косточке жил этот ужас. И не боязнь смерти, или боли, а что-то более изошрённое, но столь же древнее. Пока я не мог разгадать его природы.

Пока.

Надо было убегать. Срочно. Но я не мог сделать ни единого шага. Будто и сам я превратился в ледяную статую посреди этой холодной могилы.

Но тут что-то произошло. Я почувствовал прилив силы. Злой силы, наполняющей меня, словно горячий чай кружку.

Несмотря на свою природу, сила помогла мне согреться. Я приказал своим мышцам двигаться и побежал.

Лишь краем глаза я увидел созданий, рвавшихся ко мне изо всех сил. Если это и были волки, то очень странные. Они были абсолютно белыми, а глаза горели неистовым огнём.

Я бежал быстро, как только мог, отлично понимая, что охотники настигают свою жертву. Прямо за спиной я чувствовал учащённое дыхание...

9

Проснулся я в холодном поту, но без слабости. Это обрадовало, но сон оставил неприятный осадок. Будто предвещал опасности. Некоторое время я даже боролся с желанием бросить всё и пустить дело на самотёк. Однако же другая сила, составляющая часть меня, успешно боролась с порывом немедленно капитулировать. Это было что-то сродни перетягиванию каната, но внутри меня. Непередаваемые чувства, невообразимые эмоции.

Я справился. То есть справилась та часть, что звала в дорогу. Я поднялся с кровати, застелил её, умылся и оделся. После этого стал бесцельно слоняться по дому из комнаты в комнату.

«Словно прощаюсь», – промелькнула мысль.

Навсегда.

Нет, чушь всё это. Всё будет нормально. Найду ребят. Может они ещё не нашли.

Мои утешения самого себя прервал звонок в дверь. И я

помчался открывать.

Все шестеро спасателей стояли на крыльце. Спецдежда скрадывала их различия, и потому выглядели они, как бригада рабочих, или что-то в этом духе.

Поздоровавшись, они проследовали в дом. А мне в руки лёг увесистый пакет.

– Что это? – спросил я.

– Обмундирование для экстремальных условий, – ответил Олег.

Я развернул кулёк, внутри которого обнаружил комбинезон такой же, как у остальных, сделанный из не толстой, но плотной ткани, берцы нового образца и головной убор с перчатками. Я пришёл в тихий восторг и принялся неумело напяливать всё это на себя.

– Время в запасе есть, но я предлагаю поторопиться, мало ли чего, – сказал Олег.

Ребята не спорили. Он был старшим по званию, и даже в неофициальном деле субординация блюлась свято. Я решил держаться их линии поведения, потому что хоть плачу я, но опыт, как ни крути, на их стороне. Я только кивнул головой в знак согласия, и мы двинулись в путь.

10

Злоключения наши начались сразу же. Машина, на которой приехали ребята, проколола колесо. Произошло это на девственно чистом асфальте километрах в полтора от моего дома. С матюгами и беззлобными остротами в адрес води-

теля колесо заменили, и все дружно выдохнули. Через пять-сот метров машина остановилась вновь. Теперь что-то случилось с карбюратором. Мысленно я благодарил Олега за предусмотрительность.

Но даже это не уберегло нас от полосы невезения, в которую мы вступили, выйдя из моего дома. Машина тронулась и ехала довольно резво до первого перекрёстка. «Зелёная» улица не предвещала осложнений, и сбрасывать скорость Костя, сидевший за рулём, не посчитал нужным. Только в самый последний момент (и то, как мне показалось, благодаря львиной доле интуиции) он заметил грузовик, мчавшийся нам наперерез.

Если бы он растерялся хотя бы на мгновение, или попытался затормозить, то всё наше предприятие закончилось бы не успев начаться. Но Костя вдавил педаль акселератора в пол, и всех нас вжало в кресла.

«Взлетаем», – подумал я.

Следом раздался скрежет царапаемого металла: грузовик всё-таки зацепил наш микроавтобус, но вскользь, не принеся каких-либо серьёзных повреждений.

Очень жаль, но это нас не спасло. Что-то вновь заскрежетало, на этот раз под капотом. Машина дёрнулась пару раз и встала.

– Всё, отъездила старушка, – констатировал Костя, вылезая из-под крышки капота.

Никто не стал уточнять, что именно пришло в негодность.

Все понимали: раз неприятности начались, то теперь нужно быть готовым ко всему.

Попытки поймать попутку ни к чему не привели. Словно кто-то специально отводил глаза водителям, чтобы они нас не видели. Наконец, пройдя примерно километр вдоль дороги, мы обнаружили автобусную остановку загородного маршрута. Но автобуса, как назло не было. Зато пошёл снег: мокрый и противный. Глупо. А то он не знал, что именно на него нам плевать.

Когда, наконец, автобус появился на горизонте, стало ясно: на поезд мы не успеваем.

Форс-мажор, блин.

Глава шестая. Попутчица

1

Мы сидели в привокзальном кафе и пили пиво. Поезд, хоть и задержался, но, что называется, помахал нам хвостиком. Когда мы сторбленные под тяжёлыми рюкзаками, да ещё с сумками в руках выскочили на платформу, то его три красных огонька таяли в утреннем тумане.

– Фак, – выругался Володя.

Очки в тонкой оправе сползли с вспотевшего носа, и теперь он был похож на молодого милитаризованного полиглота, вставляющего иностранные словечки к месту и не к месту.

Сейчас было к месту.

Растерялись все, в особенности я. Только Олег, как старший, сохранял полное спокойствие.

– Надо посмотреть расписание и купить билет на следующий поезд, – сказал он.

Отдышавшись, мы согласились с ним и потащились в здание вокзала. Первый раз за это утро нам повезло. Поезд в ту сторону отправлялся через шесть часов, пусть не экспресс, а обычный скорый, но ехать-то на чём-то надо.

– Может быть, всё-таки самолёт? – предложил Сергей, молчавший до сих пор здоровяк с усталыми глазами.

– И где нас потом искать с нашим уровнем везения? – воз-

разил ему Антон, чья худоба бросалась в глаза даже из-под спецкостюма. Но я успел заметить, что силища, таящаяся в нём, поистине неимоверна.

– Мы поедем на поезде. Решено, – отрезал Олег.

И вот теперь мы сидели в кафе: семеро смурных, одинаково одетых мужчин, ждущих свой поезд, а, вместе с ним... чего? Чего ждать от этой поисковой кампании, не знал никто. Но было страшно.

На столе между кружками пива и всяческой лёгкой закуской была разложена карта с проведённым красным маркером маршрутом на ней. Володя вытащил её, чтобы хоть чем-то занять себя. Но действие это привлекло всех нас, и он принялся объяснять.

– Маршрут в целом остался твой, – он кивнул на меня, – но в связи с достаточно большой зоной поиска, я кое-что изменил в конце. Вот тут, – он указал на место, отмеченное крестиком и располагающееся внутри круга, очерченного моими друзьями, – находится небольшой посёлок, домов на двадцать. Я предлагаю с него и начать свои поиски, поскольку его жители, что-нибудь, да слышали про твоих, – снова движение головой в мою сторону, – друзей.

– Одобряю, – отозвался Олег и вопросительно глянул на меня.

– Я тоже, – ответил я.

– Решено, – констатировал Олег, и я подумал, что это его любимое словечко.

Часа за два до поезда наше внимание привлёк Александр с лицом типичного мордворота, или, попросту говоря, «братка». До этого момента он, казалось, не произнёс ни слова.

– Обратите внимание на людей, – сказал он.

Все начали озираться по сторонам и вглядываться в сидящих рядом, стоящих у прилавка и проходящих за прозрачной перегородкой.

Мой взгляд упал на молоденькую официантку. Несмотря на возраст, глубокие тени залегли у неё под глазами, да и лицо и все движения выдавали крайнюю степень усталости. «Работа такая», – подумалось мне.

Обернувшись обратно и взглянув на лица ребят, я понял, что, невзирая на постоянное взаимодействие между собой, они тоже не увидели ничего особенного.

– На что конкретно надо обратить внимание? – спросил Антон.

– Ну, как же вы не видите? – удивился Саша. – Все вокруг, словно поражены тяжкой болезнью. Да вы посмотрите: ни одного улыбающегося лица.

Все снова принялись шарить вокруг глазами.

– Такое не удивительно, особенно для больших городов, – сказал, наконец, Олег.

– Нет, Сашка всё-таки прав, – возразил ему Костя. – Как будто всех гложет что-то изнутри.

– Не гложет, – сказал я, прихлёбывая пиво, – а не хватает.

Все с удивлением уставились на меня, а я, скорчив довольную рожу, продолжал:

– Разве вы не чувствуете терзающую вас изнутри пустоту? Как будто чего-то не хватает.

– Да, – согласился со мной Саша, – уже много дней такое ощущение, будто я курить бросаю. Вот не хватает чего-то, хоть ты тресни.

По взглядам ребят я увидел, что они поняли нас, и полностью поддерживают.

– Это как-то связано с нашим делом? – спросил Олег.

– Напрямую, – ответил я. – Все странности последних месяцев начались после падения метеорита, словно он послужил катализатором множества событий. Однако мне кажется, что дело обстоит сложнее.

– Всё страньше и страньше, всё чудесатее и чудесатее, – процитировал Кэрролла Володя.

3

Нам удалось купить два четырёхместных купе, которые мы и заняли незадолго до отхода поезда. Хорошо ещё, что из-за столь громоздкого багажа проблем не возникло.

Распихав вещи, мы собрались в одном купе. Дорога предстояла долгая и, как нам казалось тогда, скучная. Впрочем, первое время она действительно была скучной, по крайней мере, в плане повествования.

До Урала мы ели, пили, спали, травили байки и так далее. Всех занимало наше предприятие, но о нём предпочитали

молчать, потому что добавить к уже сказанному мне было особо нечего. Я и сам многого не знал. Теперь я сомневаюсь, что и мои друзья узнали намного больше.

Недалеко от Екатеринбурга к нам в купе зашёл Серёга. Я уже со всеми сдружился, а потому называл короткими именами. Да и для них я был в первую очередь членом команды, а уж только потом – работодателем.

Серёга подошёл к столику, взял с него бутылку пива, открыл зубами и ополовинил одним глотком.

– Блин, – сказал он после этого, – до нашего мероприятия я и не предполагал, что во мне чего-то там не хватает. А как Санька сказал, так и почувствовал. Вот хожу теперь, как дурак, прислушиваясь к себе, и такое ощущение у меня складывается, будто орган какой без согласия вытащили. Не жизненно важный, конечно, но очень нужный.

После этой тирады он прикончил бутылку и ухлопался на полку.

– У меня сходные ощущения, – заметил Костя со второго этажа. – Будто душу вытянули, а оболочку оставили.

– Слушай, а мы сможем изменить, ну, или хотя бы узнать, что происходит, когда найдём твоих друзей? – спросил Володя, сидевший за столиком напротив меня.

– Не знаю, – ответил я. – Если найдём моих друзей, тогда, может, и узнаем.

– Но это только при том условии, что они сами нашли ответы, – подвёл итог Серёга.

– Да, – согласился я.

– А если нет, Ренат, ты не обижайся, но я предлагаю самим найти ответы на все вопросы.

– Если этого уже не сделали мои друзья.

– Именно так, – подтвердил здоровяк. – Ну, а коли уж ты не против, то я пойду советоваться с Олегом Петровичем. Что он скажет.

– Я не против.

Кивнув на это, Серёга вышел, и мы остались в купе втроём.

4

На городском вокзале мы простояли недолго. Вскоре поезд тронулся в путь; и я решил немножко подремать. В этот момент раздалось вежливое поскрёбывание в дверь.

– Да, – сказал я.

Дверь отъехала в сторону, и на пороге материализовалась наша проводница.

– Нам ничего не нужно, – буркнул Володя.

– Тут... э... такое дело, – проводница явно не знала, как облечь в слова свою просьбу, а то, что это будет именно просьба, я уже не сомневался. – В общем, это, ребят, – она упорно искала взглядом мои глаза, найдя же, заметно приободрилась, – тут на станции в наш вагон девушка одна села, а мест нет, ну, как назло. Не могли бы вы пустить её к себе?

– Не нужны нам попутчики, – высказался Володя со второй полки.

– И купе у нас оплачено полностью, – поддержал его Костя.

Но проводница не сдавалась и продолжала просительно смотреть в мои глаза. Что-то у меня внутри не позволяло отказать ей.

– А давайте, возьмём попутчицу, – предложил я, – тем более что женщина в мужской компании – всегда хорошо.

– Женщина на корабле? – ухмыльнулся Костя.

– Да, ладно, чего уж там, пускай идёт, – сдался Володька.

– Хорошо, мы примем её, – ответил я проводнице.

– Ну, вот и чудненько, – пропела та.

В следующую минуту и Костя, и Володя забыли, что не хотели принимать в своё купе попутчицу. Они буквально слетели с полок, чтобы познакомиться с ней. Но я был первый.

– Здравствуйте, – сказал я, пропуская её внутрь и попутно протягивая руку, – меня зовут Ренат. Это Костя, а это – Володя.

– А меня зовут Злата. Здравствуйте, – удивительно мягким голосом отозвалась прекрасная незнакомка.

Она всё же рискнула доверить мне свою нежную ручку, но я не стал её пожимать. Повинуясь древним, давно заглушенным инстинктам, я поднёс тыльную сторону её кисти к своим губам и поцеловал. Она не стала вырывать руки, а когда я поднял глаза, то с удовлетворением отметил, что нет в её взгляде ни тени насмешки, только заинтересованность.

Костя и Володя попытались проделать то же самое, но у

них это получилось не столь галантно. Приятно, хоть в чём-то осознавать себя первым.

5

Я сидел у окна и одним ухом слушал разговор, ведущийся между ребятами и девушкой по имени Злата, но сознание моё было далеко отсюда. Девушка была красивой. Очень красивой. Причём, красота эта была природной, а не заштукатуренным страхом. Присмотревшись к Злате, я не заметил ни единого следа косметики на её лице, но ей и не нужно было пользоваться ею. Кожа была слегка румяна с морозца, но так свежа и нежна, что хотелось всё бросить и целовать, целовать её.

Но мне не пришлось бороться с этим желанием. Я вспомнил Лану и практически сразу у меня пропал интерес к этой светловолосой и голубоглазой богине. Я смотрел на проплывающие мимо однообразные пейзажи, но в глазах у меня стояли слёзы.

Я закрыл глаза, и там, на обратной стороне век, я видел любимую мной девушку. Иногда она была такой же, как при знакомстве, тоже, кстати, неотразимой. Иногда, как в обыденной жизни, а то, как тем утром, после вечеринки, когда мне приснился кошмар: обеспокоенной, встревоженной. Теперь пришло моё время тревожиться и беспокоиться.

– Ренат.

Я обернулся на мягкий голос Златы.

– Ой, Ренат, ты плачешь? Почему? – В её большущих и

сияющих глазах отразилось неподдельное переживание.

– Да, так, пустяки, – ответил я.

– Ты разбила ему сердце, – попытался пошутить Костя.

– На самом деле, – вмешался Володя, – его девушка и лучшие друзья уехали в экспедицию в ваши края, и вот уже третий месяц от них никаких известий.

– А Вы едете на их поиски? – глаза у Златы загорелись. – Вот это да! Ох, как интересно! Ребят, расскажите.

Но никто ничего рассказать не успел, – на пороге с грозным видом появился Олег Петрович. И только глаза выдавали настоящее расположение его духа.

– Так-так-так, – сказал он, – посторонние в служебном помещении. Развлекаемся, значит, в рабочее время!

Я посмотрел на Злату и едва сумел подавить рвущийся наружу смешок. Надо же, она восприняла слова Олега всерьёз, и теперь, по-видимому, обдумывала, как ей лучше ретироваться.

– Отставить дезертировать, – ещё грознее сказал он, заметив замешательство девушки.

И в этот момент лицо его раскрылось в добродушной улыбке.

– Как звать Вас, барышня? – спросил он.

6

– Злата, – ответила наша попутчица, едва не заикаясь.

Лицо Олега снова приняло грозный вид, но теперь это казалось нас.

– Значит, знакомитесь с обворожительными барышнями, а друзей позвать, чтобы и те дорогу скрасили, – это не надо. Как вас понимать прикажете?

Мы расхохотались, он тоже. На шум прибежали остальные. Во взгляде читался один вопрос: «что случилось?», но, увидев Злату, все расслаблялись.

Через десять минут столик нашего купе был уже полностью сервирован. Восемь человек оккупировали его со всех сторон. Злата сидела рядом и жалась ко мне, поскольку в купе стало тесновато. Не скажу, что мне это было неприятно, но тоска по Лане всё усиливалась.

– По-моему, – сказала Злата, – вы собирались рассказать мне о своём путешествии. Как я поняла, вы направляетесь на поиски пропавшей экспедиции. Это так?

– Так точно, – отозвался Олег.

– А что могла искать экспедиция в такой глуши?

– А с этим вопросом, лапочка, обратись к Ренату, он у нас как бы ведущий.

Она просительно посмотрела на меня, и я невольно подумал, что с преогромным удовольствием утонул бы в этих глазах: настолько глубоки они были.

– Видишь ли, в этой истории много таинственного.

– Ой, – воскликнула она, – я обожаю всяческие тайны. Расскажи мне всё!

И как бы невзначай положила мне руку на колено. Я вздрогнул, но просить убрать не стал.

– Расскажи, – попросил Костя, и добавил: – Листопад, листопад, если женщина просит...

Я, собственно, и не собирался отпираться, и начал рассказывать всё с самого начала. Ребята, хоть и знали всё наперёд, слушали внимательно и не перебивали. А я, не отрываясь, смотрел на Злату. На её лице отражались все эмоции, испытываемые ею. Почему-то мне было это приятно.

7

Когда я закончил, Злата спросила:

– А что, действительно падение этого метеорита имело серьёзные последствия? Это из-за него всю планету лихорадило?

– Мы не можем утверждать этого наверняка, но думаем, что так оно и есть, – ответил Олег.

– Мы все заметили такую вещь, – поддержал его Серёга, – что после падения этого самого метеорита все люди утратили какую-то часть себя.

– Да? Правда?! – воскликнула Злата.

Но мне почему-то показалось, что она ничуть не удивлена.

– А Вы не чувствовали этого? – спросил я.

– Нет, что-то такое чувствовала, но думала, что это происходит только со мной. Болезнь там какая-нибудь.

– Больше похоже на ампутацию, – хмыкнул Костя.

– Или на никотиновую ломку, – поддержал его Серёга.

– И что, вы собираетесь найти метеорит и разобраться со всем этим? – спросила Злата.

– Вообще-то, – сказал Олег и прокашлялся в кулак, – первоначальной нашей целью был поиск пропавшей экспедиции.

– И только?

– Да. Но, поразмыслив, мы решили, что это довольно важное происшествие. Причём, важное не только для нас, или для нашей страны, а для всего мира, поэтому мы обязаны постараться разобраться в сложившейся ситуации. Однако если нам не удастся сделать это своими силами, то мы привлечём специалистов. В любом случае, место падения метеорита мы вычислить должны.

– Ой, как это интересно, – Злата мечтательно закатила глаза. – И романтично.

– Не думаю, что в нашем случае предвидится много романтики, – хмыкнул Саша.

– Нет, нет, ребята, вы не правы, – горячо заговорила Злата, – любое подобное путешествие – это просто здорово.

– Это не увеселительная прогулка, барышня, – сказал Олег.

– Я понимаю, но всё же... Ребята, – она замялась, вроде не зная, как продолжить, но решимости ей было не занимать, – а возьмите меня с собой.

– Я против, – сразу сказал Серёга.

– Я тоже, – поддержал его Антон, чуть подумав.

– А я за, – отозвался Костя.

– Я был бы рад, – Володя.

– Да, пусть бы её, – туманно высказал своё согласие Саша. Все взгляды повернулись к Олегу.

– Решать Ренату, – сказал он, – в конце концов, мы найдём всё необходимое для девчурки.

Теперь также дружно семь пар глаз обратились ко мне.

– А чё я? Чё я? – Я сам обалдел, – попытался отшутиться я.

Но тут Злата сделала ход конём: взяла и поцеловала меня в щёку.

– У-у-у, – загудело купе.

– Ладно, ладно, с такими доводами я не могу не согласиться, – засмеялся я, – Пусть едет, я не против.

Напряжение, повисшее было в купе после просьбы Златы, развеялось бесследно, и разговор вернулся в прежнее русло.

8

– Ренат, – обратилась ко мне Злата, – а это правда, что стали по всей земле умирать люди, относящиеся к какой-то определённой категории.

– Правда, – ответил я, – в первые несколько дней после катастроф, охвативших всю планету, умерли все, кого подпитывало отрицательное поле. Это группа так называемых энергетических вампиров.

– А почему?

– Исчезло поле, питающее их, и они не смогли больше жить.

– То есть, они лишились чего-то жизненно необходимого.

– Да.

– А скажи, остальные люди не имели никакого отношения к этому полю?

И тут меня, словно током прошибло.

– Точно, – едва не заорал я.

– Что: «точно»? – сонным голосом поинтересовался Антон. – До тебя что-то дошло?

– Именно. Я, наконец, понял, что за пустота поселилась у нас внутри.

– И что же это такое? – спросил Олег.

– Сначала скажите, злились ли вы в последнее время, или видели, как кто-нибудь на кого-нибудь срывается со злости?

На лицах спасателей отразилась напряжённая работа мысли, но я уже знал ответ наперёд.

– Нет, – ответил Олег. – Не могу припомнить ничего такого, даже странно. А вы, ребята?

Те дружно замотали головами.

– И, правда, – сказал Костя. – Вот даже хочется на кого-нибудь разозлиться, а не получается.

– То-то и оно, – сказал я и многозначительно ткнул указательным пальцем вверх.

Исчезновение отрицательного поля повлияло на всех, но те, кто не мог без него существовать – умерли, я бы даже сказал: вымерли, а остальные чувствуют пустоту и не могут злиться.

– Вот это да! – воскликнула Злата. – Нам всем ампутиро-

вали злобу.

В чём-то она была, безусловно, права.

9

– Если вопрос действительно только в злобе и негативных эмоциях, то я, по сути, и не против, что у меня их больше нет, – говорил Олег, задумчиво разглядывая промелькивающие пейзажи за окном и потягивая пиво из бутылки. – Может, это к лучшему?

– Не знаю, – сказал я, – сможем ли мы смириться с этой пустотой?

– Ребята, – вмешалась Злата, – как же вы не понимаете, у нас отняли что-то важное, а вы говорите, что так и надо.

– Она права, – сказал Саша. – Мне даже пришла мысль, что неспроста тот метеорит упал.

– Ага, его пришельцы скинули, – ухмыльнулся Володя.

– А почему бы и нет? – вскинулся Саша.

– Ребята, тише, тише, вот прибудем на место, и всё станет ясным, – сказала Злата.

– А может, и не найдём мы ничего, – проговорил Антон. – Если кто-то и хотел что-то с нами сделать, то вряд ли нам дадут как-нибудь помешать этому.

– Возможно, это в наших силах, – не соглашалась с ним Злата.

– Короче, – вмешался я, – приедем и сами всё увидим. Чего сейчас языками чесать?

– Да, – Злата продолжала гнуть свою линию, – вот ска-

жите, как вам живётся теперь без возможности выплеснуть свои эмоции?

– Вообще-то, – отозвался здоровяк Серёга, – девушка права. Паршиво не мочь сказать всё, что на сердце накопело. Паршиво чувствовать пустоту там, где был праведный гнев.

По глазам спутников я видел, что далеко не все согласны с ним. Кого-то вполне устраивало отсутствие негатива. Для меня самого далеко не всё было ясным. Где-то глубоко в душе я хотел, чтобы всё было, как раньше, но разум твердил, что это к лучшему.

– Ребята, – сказал я, – давайте не будем вдаваться в философию, иначе нам придётся озаглавить свой поход так: «Вернём людям Злобу!».

На этот раз согласны были все, кроме Златы.

– Как знаете, – сказала она, – но думается мне, что без здоровой злости человек – просто слизняк.

Безусловно, бывают в жизни человека такие аспекты, когда это утверждение является истинным.

10

Поговорив ещё немного, все разобрались по своим спальным местам. Олег, Серёга, Антон и Саша пошли в соседнее купе. Володька и Костя залезли на второй ярус, и я остался со Златой наедине. Мы могли бы поговорить о чём-нибудь, но я предпочёл пожелать ей спокойной ночи и лечь спать. Она не обиделась, поскольку знала, что время безделья и отдыха подходит к концу.

Во сне ко мне вернулся мой кошмар. Но только несколько изменённым. Всё в нём перевернулось с ног на голову.

Я бежал. Бежал от своих преследователей. Но всё действительно изменилось. Бежать мне было легко. Сначала я даже не понял, почему, но внезапно осознал, что передвигаюсь на четырёх конечностях.

Они не были руками и ногами. Под туловищем поднимались и опускались мощные лапы, обросшие белой шерстью.

«Волк», – подумал я. Но тут же возникло отвращение ко всему этому племени. Значит, – не волк.

«Ты барс. Снежный барс», – раздался в голове чей-то голос. Через несколько метров я увидел ту, которой принадлежал этот голос. Прямо из-под снега выскочила чёрная пантера и принялась отряхиваться.

«От кого ты бежишь?» – спросила она.

«От волков».

«Посмотри на себя, глупенький, ты же сильнее их в несколько раз».

«Так что?»

«Охотник – ты».

Её доводы заставили меня остановиться и развернуться на сто восемьдесят градусов. Волки заметно приотстали.

«Ты сможешь?»

«С удовольствием».

И две тени метнулись к стае белых волков с горящими глазами. Белая и чёрная. Все в снегу.

Я действительно был сильнее. Совсем скоро снег обагрился кровью. Не моей, – вражеской. Я рвал этих волков на куски, как щенков. Их окровавленные ошмётки отлетали на десятки метров, отмечая багряными метками поле битвы.

Остальные не сдавались, а пёрли прямо на нас, как будто у них не было другого выхода. Они хищно скалились и умирали.

Внезапно я почувствовал, что это меня раздирают на куски, хотя никто так и не смог приблизиться ко мне.

С этим чувством двойственности я и проснулся.

Глава седьмая. Крушение

1

Из поезда мы вышли в ночь и метель. Перед нами стояло жалкое полуразвалившееся здание вокзала. Кроме него ничего больше не угадывалось в молочной мгле.

– Ну, и где мы тут будем искать наши колёса? – спросил я, пытаясь перекрыть завывание метели.

– Сейчас узнаем, – крикнул Олег в ответ.

Мы зашли в здание вокзала. Вначале нам даже показалось, что он вовсе заброшен: остатки штукатурки, свисающие грязными клоками с потолка, давно не знавшие краски стены и сгнившие напрочь скамейки подталкивали к такому предположению. Но вот, из-за перекосившейся двери вышел человек, одетый в сильно поношенную железнодорожную форму.

– Чем я могу вам помочь? – спросил этот низенький и, в общем-то, забавный человечек.

– Мы направляемся в N-ск, – сказал Олег. – Нам бы найти поезд, отправляющийся туда.

– О, – казалось, с облегчением молвил человечек, – нет ничего проще. В пять утра с этого же пути отходит тепловоз, направляющийся в N-ск, на нём вы прекрасно доберётесь до места уже к двум часам дня.

– Спасибо, – сказал Олег, – а как бы нам билеты купить?

– О, не стоит беспокоиться, билеты вы сможете купить внутри.

Мне не показалось это странным, поскольку я уже встречал подобную практику. Станным мне показалось другое: говоря всё это, человечек в железнодорожной форме вроде бы подмигнул кому-то за моей спиной. Я обернулся, но все стояли настолько плотно, что нельзя было понять, кому же он всё-таки помигивает.

– А не найдётся ли у Вас кипяточку, уважаемый? – спросил Сергей, имевший непонятную тягу к крепко заваренному чаю. Что интересно, пил он его без сахара.

– Конечно, конечно, – пробормотал «китель», – устраивайтесь поудобнее, сейчас всё будет в лучшем виде.

Я не знал, как можно удобно устроиться на сгнивших лавках, поэтому уселся прямо на рюкзак. Все последовали моему примеру. Только Злата осталась без сидячего места. Ей предложили сумки, на которых можно было устроиться, но она демонстративно прошла мимо и уселась ко мне на колени, предварительно спросив:

– Ренат, ты не против.

Я был не против.

2

Местным аналогом электрички оказалось такое чудовище, на которое смотреть-то было страшно. Старый (старше вокзала, наверное) обшарпанный тепловоз, к которому были прицеплены три не менее древних, чуть ли не деревянных,

плацкартных вагона.

Желающих ехать на этом чуде доисторической мысли нашлось немного: кроме нас ещё человек пять. Притом, больше вообще ни единой души видно не было. Выглядело это странно.

Внутри вагон, в который мы сели, представлял собой жалкое зрелище: как будто он курсировал по фронту во время второй мировой войны, и с тех пор его ни разу не ремонтировали. Весь в каких-то дырках, трещинах, с пятнами гари.

– Да, российская глубинка, блин, – высказался Володька.

– Она, родная, – ответил ему Олег.

Он внимательно наблюдал, за тем, как Костя плюхнулся на первое попавшееся место. А тот уже вскочил и с криками подпрыгивал, хлопая себя по ягодицам.

– У, чёрт, мокро!

– А ты что хотел при отсутствии стекла? – спросил его Олег.

Костя попытался тронуть несуществующее стекло, но рука его прошла дальше во тьму.

– Тьфу ты, и правда стекла нет, – сказал он и посмотрел на лавку. – Вот пропасть.

В метель, сейчас уже сходящую на нет, сюда попало довольно снега, когда же состав готовили к дороге, то включили обогреватели; снег растаял и образовал основательную лужу; в неё-то и сел наш доблестный водитель.

Спасатели, я и Злата засмеялись в голос. Даже Костя, и

тот смеялся, но вагон всё же решили сменить, ведь замерзнуть нарочно не стремился никто.

Мы прошли в первый вагон от головы состава. Все стёкла оказались на месте, вот только ни одной живой души, кроме нас, как и в предыдущем.

– Ты не находишь странным, что и здесь никого нет? – спросила меня на ушко Злата.

– Нет, – ответил я, – наверно они все в последнем вагоне. Вместе ничего не страшно.

Ответом моим она удовлетворилась.

3

Часам к девяти, когда за окном было по-прежнему темно, я начал беспокоиться.

– Странно, – сказал я вслух, – почему до сих пор не светает?

– Дурачок, – нежно промолвила Злата, – мы уже почти во власти полярной ночи. Тут, если и светает, то очень поздно и на весьма короткое время.

– Блин, – вырвалось у меня, – ну, почему я не подумал о том, что действовать придётся во мраке?

Ты боишься темноты? – удивилась Злата.

– Нет, не боюсь, – ответил я, – просто недолюбливаю мрак, хотя ночь – моё любимое время суток.

– А это самая долгая ночь, и вся она наша, – загадочно произнесла девушка, и прижалась ко мне ещё теснее, а ведь на лавке никого, кроме нас, не было.

Спасатели все, как один, снова улеглись спать. Я очень надеялся на то, что в нужный момент это сполна будет компенсировано полной сосредоточенностью.

Тут заворочался Володька и поднялся с лавки. В его глазах я, как ни странно, тоже увидел обеспокоенность. Он вынул сигарету из пачки, достал зажигалку, и, держа на виду, щёлкнул ею пару раз, словно демонстрируя, что она не зажигается.

– Пойду у народа попрошу прикурить, – сказал он, проходя мимо нас.

Я не стал протягивать ему свою, понимая, что этот похожий на интеллигента спасатель хочет проверить некоторые догадки, терзавшие его до сих пор.

Я дождался, пока он уйдёт, и сказал Злате:

– Всё меньше и меньше мне нравится эта поездка. И чем дальше, тем слабее мне верится в её успех.

– Не надо упаднических настроений, – прошептала она, и плавно повернула моё лицо за подбородок к своему.

Но поцеловать меня она не успела. В вагон ввалился Володька. На абсолютно белом лице, вылезая из-под очков, горели тревогой два широко распахнутых глаза. Он попытался что-то крикнуть, но не хватило воздуха. Наконец, он набрал полные лёгкие кислорода и гаркнул:

– Ребята, подъём!!!

Такого подъёма я не видел даже в армии. Уже в следующую секунду вся команда была на ногах. Только мы со Златой по-прежнему сидели и удивлённо хлопали глазами.

– Что случилось? – спросил Олег.

– Там... там... – запинаясь, говорил Володя.

– Что: «там»?

– Там никого нет!

– Ну, и что, может, все уже сошли?

– Вагона третьего нет!

– Так может, его отцепили на какой-нибудь станции, – предположил Сергей.

И тут только я понял, что события начинают вырываться из граней реальности.

– Но за всё это время мы ни разу не останавливались, – проговорил я тихо.

Но все услышали. И испугались.

– Я пойду, проверю, – сказал Олег.

– Я с тобой, – я встал с лавки.

– Хорошо. Сергей, Антон, проверьте машиниста.

– Так точно. – Отношения были дружескими, но если дело касалось форс-мажора, возвращались рабочие рефлексy.

Они пошли в одну сторону, а мы с Олегом в другую. Второй вагон был пуст, как и прежде, но теперь он промёрз напроць, несмотря на обогреватели.

Мы прошли его насквозь и приблизились к торцевой две-

ри. Аккуратно, будто работая с динамитом, Олег повернул ручку двери. Та открылась и захлопала в вихревом потоке, создаваемым движением воздуха. За ней была только белёсая муть, сквозь которую не видно было даже рельсов, по которым мы двигались... в теории.

– Вот это да! – воскликнул Олег.

Ветер подхватил его слова и тут же унёс, так что я едва смог услышать их.

Тут же что-то чудовищно закрипело и защёлкало в другом конце вагона. Олег был гораздо опытнее меня, поэтому сразу сообразил, что к чему, схватил меня за локоть, крикнул в самое ухо: «Бежим!» и поволок за собой через весь вагон. Уговаривать меня не пришлось, и я бросился за ним через весь вагон.

Подбежав, мы обнаружили, что вагоны уже расцеплены. Времени на раздумья не было. Со всего разгона сильные руки бросили меня вперёд. Я не успел ни испугаться, ни насладиться полётом, как уже стоял в другой половине тамбура. А тем временем расстояние до отцепленного вагона всё увеличивалось.

Олег разбежался и прыгнул, оттолкнувшись сильно, насколько возможно.

Мне всё это почему-то живо напомнило голливудские фильмы. Но тут всё было реально.

На какую-то долю секунды он растянулся в воздухе между вагонами. Несмотря на возраст, грациозности его движе-

ниям было не занимать. Но насколько бы не был силён толчок, – его не хватило. Чуть-чуть.

5

Здесь – в тамбуре первого вагона – собрались все, кроме Сергея и Антона. Однако люди, словно вмёрзли в то место, где стояли. Никто не двигался. Кроме меня.

Олег всё же сумел вцепиться в край металлической пластины. Перчаток на его руках не было, что позволило вцепиться в ребристую поверхность. Долго так продолжаться не могло: ноги майора волочились по земле, сил почти не оставалось, а пальцы замерзли.

Действовать надо было быстро. Я стряхнул с себя оцепенение, нагнулся и взял ледяные руки Олега. Попытавшись тянуть, я понял, что для меня одного это дело просто неподъёмное.

– Помогите мне! – рявкнул я.

Тут, словно питание подключили к людям, стоящим вокруг. Они начали двигаться и помогать мне. Силы троих едва хватило, чтобы втащить Олега на площадку тамбура. Ситуация усложнялась узостью прохода, но мы справились, и седой майор плюхнулся у наших ног, точно мешок с картошкой. Мы повалились рядом.

Что меня больше всего поразило в этой ситуации, так это то, что не было произнесено ни единого звука, кроме моего громогласного «Помогите!», за всё время, пока происходили эти события.

Что-то творилось с нами. Что-то необычное, словно все мы были подчинены чьей-то воле.

Олег отдышался и поднялся на ноги, попутно пытаясь согреть озябшие пальцы.

– Возьми мои перчатки, – сказал Володя, не принимавший участия в спасении, потому что ему не хватило места в тамбуре. Теперь он чувствовал себя виноватым.

– Спасибо, – сказал майор, принимая их.

Надевая перчатки на руки, он прошёл в вагон, и мы потянулись за ним. Что-то нереальное было во всём происходящем. Но не успел Олег грозно свернуть глазами, и спросить, кто же отцепил вагон, как в дверь с противоположной стороны вагона влетел Сергей. Он ещё ничего не знал о нашем маленьком происшествии, а потому прямо с порога выпалил:

– Олег, кажется, у нас проблема!

6

– Что ещё? – вскинулся Олег.

– Короче, машиниста в тепловозе нет!

– Как нет?!

– Просто нет, и всё. Никого нет!

– А кто же тогда им управляет?

– Похоже, никто.

– Но это невозможно. Должен же кто-нибудь рычаги передвигать! – крикнул в ответ Олег.

– Там все рычаги заварены. Я вообще не знаю, как вся эта груда металлолома движется.

– Так, пошли в тепловоз. Решать, что делать, будем на месте.

Но не успели мы пройти через вагон, как в дверях появился Антон.

– Серёга уже сказал вам?

– Да.

– Тут ещё одно...

– Что?

– Не знаю, как это возможно... Метель, конечно, и всё такое, но... Короче, я так и не смог разглядеть рельсы внизу.

– То есть?

– То есть, их просто нет, – отрезал Антон.

– Но такого просто не может быть, – воскликнул Костя.

– Может, – тихо ответил Олег. – Когда я там внизу быстро-быстро перебирал ногами, то не почувствовал под ними ни рельсов, ни шпал, – абсолютно гладкая поверхность.

– Да, что здесь творится?! – вне себя вскричал Костя.

Почему-то все, как по команде, обернулись к Злате. Что могла знать эта девушка?

Она покраснела и упёрла взгляд в пол.

– Я, правда, не знаю, что здесь происходит, – тихо прошептала она.

Ещё бы ей знать, когда такое вокруг творится. Но что за подозрения у спасателей?

Впрочем, сейчас было не до подозрений. Необходимо срочно действовать. Я, Олег, Серёга и Антон вчетвером по-

лезли в тепловоз. Даже в спецодежде мало приятного в том, чтобы пробираться по открытой всем ветрам узенькой дорожке, огороженной хлипкими перильцами, вдоль массивной громады тепловоза. Замёрз я уже в первые секунды после того, как покинул вагон, а в то мгновение, когда ввалился в кабину тепловоза, совершенно заоченел.

Ребята ввалились туда вслед за мной.

7

– Ну, ни фиги себе приключение, – приговаривал Олег, разглядывая неработающие релюшки и заваренные рычажки.

Человеческое сознание вообще не способно воспринять столько странностей за очень короткий промежуток времени, поэтому оно старается как-то отгораживаться ото всего этого. Вот и сейчас, рассекая снежную мглу на неуправляемом тепловозе, который ехал неизвестно как, и неизвестно по чему, мы не особо удивлялись этому. В голове царил тихий сумбур.

– Разрешите осмотреть местность, по ходу поезда, – попросил Антон. Только сейчас я разглядел на его голове прибор ночного видения. Раньше как-то не до того было.

– Действуйте, – сказал Олег.

Когда же Антон удалился выполнять, майор обратился ко мне.

– И как прикажете понимать всё это? – спросил он.

– Я знаю не больше вас, – ответил я.

– Ты точно ничего не скрываешь от нас? Лучше скажи, если что.

– Нет. Ничего.

На краткий миг я всё же задумался. Было кое-что такое, о чём я предпочитал никому не говорить. Сны.

– Разве что...

– Что? Говори!

– Сны.

– Что?!

– Сны. Понимаешь, перед всей этой затеей я видел сны. Они вроде бы предупреждали меня, заставляли отказаться от неё, но, с другой стороны, тянули меня сюда.

– Сны, – задумчиво повторил Олег, тщательно пережёвывая это слово. – Мы не можем полагаться на сны, но сейчас, когда вся реальность приобрела вид сущего кошмара, нам ничего не остаётся больше. Что за сны?

– Страшные, в основном, – ответил я.

– Рассказывай.

Но рассказать я не успел. В кабину влетел Антон. Глаза его были раскрыты настолько, что соперничали по величине с окулярами прибора ночного видения.

– Шеф, всё пропало, – выпалил он.

8

– Теперь-то что?! – вскричал Олег.

– Там впереди на путях, или чёрт знает на чём, стоят цистерны. Много цистерн. Даже, если они порожние, то столк-

новение всё равно будет смертельным.

– Так, – сказал майор, беря командование полностью на себя, как при чрезвычайных происшествиях. – Срочная эвакуация! Ренат, передай моё распоряжение остальным! Антон, Сергей, отцепляйте вагон, это даст нам хоть немного времени!

Я выскочил из кабины и понёсся по узенькой дорожке обратно в вагон. Ветер со всего разлёта вонзался мне в спину, и теперь, казалось, я должен с лёгкостью преодолеть эти несколько метров. Но не тут-то было. Передо мной, словно выросла невидимая стена, которую мне приходилось толкать. Каждый шаг давался мне с неимоверным усилием. На ум пришла мысль, что я, скорее всего, провалю это задание.

Но тут дверь вагона открылась, и в освещённом прямоугольнике возник знакомый силуэт. В тот же момент стена, державшая меня так прочно, исчезла. Я изо всех сил рванулся вперёд, и, поддерживаемый воздушными потоками, оказался в объятиях Златы.

Несмотря на всю приятность этого обстоятельства, я не стал в них задерживаться, а сделал ещё пару шагов в вагон и крикнул:

– Экстренная эвакуация!

Это всё, на что меня хватило, и я рухнул на пол без сил и без чувств. Но вот как раз на обмороки времени теперь не было.

Я почувствовал сильные руки, вцепившиеся железной

хваткой в спецовку и поднимающие меня, а потом несколько не больших, но хлёстких ударов по щекам. Этого хватило, чтобы прийти в себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.